

Дань почтения душе ребенка

Вдохновение и уроки наших детей

ШМУЛИ БОТИЧ

в беседах с МАЙКЛОМ ДЖЕКСОНОМ

<i>Предисловие</i>	3
Внимание, почет и уважение	21
Детское простодушие	26
Творчество и вдохновение	36
Любознательность	40
Прощение, дружба и преданность	44
Отдача и великодушие	47
Благодарность и признательность	51
Надежда и Бог	57
Юмор, игры и смех	63
Воображение	67
Ревность, зависть и восхищение	71
Радость	77
Любовь и руководство	80
Открытость и уязвимость	94
Уверенность	103
Всемирный день детей и семейные ужины	106
<i>Благодарности от автора</i>	110

Предисловие

Вспоминая Майкла Джексона и его детский интерес к миру

Через несколько месяцев после смерти Майкла Джексона 25 июня 2009 года в кинотеатрах вышел документальный фильм «Вот и все». В основу фильма легли съемки приготовлений к серии лондонских концертов, над которыми Майкл работал перед смертью. Я смотрел фильм вместе с женой, и он подтвердил мои собственные мысли о трагическом уходе Майкла, а именно, о том, что мир все еще отказывался скорбеть по нему как по ушедшему человеку, но вместо этого скучал по нему как по исполнителю. По всему театру слышались ахи и охи в ответ на удивительную демонстрацию музыкального гения Майкла. «Как пятидесятилетний мужчина может так двигаться?» «Посмотрите, как красиво он спел "Human Nature"! Люди скучали по магии Майкла.

Я не скучал. Я скучал по его человечности. Я скучал по другу, который безвременно трагически погиб.

Глубокая ирония моей близкой дружбы с Майклом заключалась в том, что я так и не узнал его как Майкла Джексона-суперзвезду, а знал лишь как Майкла Джексона-человека. Я никогда не был на его выступлениях и даже отклонил приглашение на концерт в честь 30-летия сольной карьеры в Мэдисон-сквер-гарден вечером накануне 11 сентября. Он никогда не спел мне ни одной

законченной песни. Он никогда не показывал мне лунную походку и не вскакивал на носочки с криком «Ау!».

Вместо этого он обнажил передо мной свою душу в разговорах, которые мы записывали в течение двух лет для единственной цели — в итоге опубликовать их в виде книги, которая раскрывала бы его самые сокровенные чувства и, главное, рассказывала о важности детей и отдавала дань душе ребенка в каждом из нас.

Но почему я? Почему Майкл выбрал меня для того, чтобы поделиться с публикой стороной своей личности, которую так мало кто видел? С момента публикации книги «The Michael Jackson Tapes» многие задали мне этот самый вопрос. Почему раввин, и почему отец девятерых детей? Я — человек, который не имеет никакого отношения к музыкальной индустрии и едва ли следит за поп-культурой. Почему Майкл решил, что я смогу понять его и составить о нем верное представление?

На этот вопрос, наверное, можно ответить по-разному. Сыграл роль и тот факт, что Майкл был духовно ищущим человеком и ценил наши беседы о достоинствах, сердечных делах и вере. И тот факт, что я был автором книг об отношениях и выращивании детей, а эти темы серьезно занимали мысли Майкла. И тот факт, что как раввин я был глубоко погружен в библейские тексты и учения, которые были так важны Майклу с силу его воспитания в религии Свидетелей Иеговы.

Все эти соображения имели место. Но более всего с Майклом меня связала моя преданность жене и отцовству, обязательство перед своей большой семьей и то, что я посвятил свое призвание писателя, лектора и ведущего задаче убеждения родителей в том, что нужно ценить своих детей уделять им первостепенное внимание.

Я, как мало кто другой, мог понять привязанность Майкла к детям и причину, почему ему так важно было вернуть свое потерянное детство.

Майкл чувствовал, что общественность никогда не понимала его. Он был человеком глубоко противоречивым и практически вынуждал людей выбирать стороны. Он был, вероятно, самым узнаваемым лицом в мире, но одновременно и самым скрытым, в прямом и переносном смысле. Он был самой известной знаменитостью на свете, и в то же время его окружали загадка, тайна и отшельнический образ жизни. На сцене он излучал дерзость и самоуверенность как никто другой, но в частной жизни бы болезненно застенчив и глубоко стеснителен.

В обычных повседневных делах, — когда он завтракал, обедал и ужинал со своими детьми, читал им сказки на ночь, следил за новостями, решал вопросы бизнеса и записывал музыку, — его день был самым что ни на есть обыкновенным. И, тем не менее, общественность считала его в лучшем случае странным, а в худшем — извращенцем. Он ценил детей выше, чем любая другая личность с мировым именем, однако его мотивы к этому вызывали серьезные подозрения у его очернителей.

Видя эти глубоких противоречия в восприятии публики и то, как категорично люди судят его, даже не узнав лично, Майкл начал закрываться от мира. С годами он стал вести затворнический образ жизни, предпочитая проводить больше времени в уединении просторов Неверлэнда — ранчо-фантазии, страны игр, которую он создал среди холмов близ Санта-Барбары, — чем с друзьями и даже семьей.

Но я показался Майклу немного отличным от большинства людей, которых он встречал. Во-первых, во многом я был таким же

человеком контрастов, как и он, — факт, который он отметил почти сразу же после нашего знакомства. Я — раввин, погруженный в религию, но использую все доступные современные средства, чтобы донести до людей духовную идею. Я — традиционалист, отстаивающий институт семьи и брака, но я же — автор книг о супружеских парах, имеющих самый пылкий и интимный сексуальный союз. Я верю в суровую дисциплину в воспитании детей, но еще больше верю в воспитание их уверенными в себе, самостоятельными, харизматическими личностями. И хотя я вращаюсь в кругах средств массовой информации, я беру своих детей с собой во все путешествия, потому что, какую бы критику это ни вызывало, они — моя истинная радость.

Когда мы нашли общий язык через эту сеть противоречий, Майкл начал чувствовать, что я не только разделял его страсть к заботе о детях, но, как и он, верил, что дети могут излечить взрослый мир от цинизма и духоты. Что для циничных мам и пап, утративших вкус к жизни, нет лучшего лекарства, чем сесть на полу у камина и почитать детям захватывающую сказку на ночь. Не раз мы соглашались друг с другом в том, что боль и апатия — результат разбитых мечтаний и глубинных разочарований, столь характерные для взрослой жизни, могут быть устранены общением с нашими любящими и творческими детьми.

Когда мы с Майклом познакомились, у меня было семеро детей. Я проводил с ними огромное количество времени и считал свое взаимодействие с ними главной школой своей жизни. У детей я научился искренности, веселью и радушию. Я научился быстро прощать, научился изумляться таким вещам как деревья, пейзажи и лягушки. И я научился относиться ко всем одинаково, вместо

того чтобы создавать иерархию более и менее важных людей. Я проводил со своими детьми много времени не потому, что был хорошим отцом, но потому что получал от этого удовольствие. В этом не было никакого самопожертвования.

У меня самого было нелегкое и несчастливое детство, и я поклялся дать своим детям спокойствие и стабильность, которых не хватало в моем собственном воспитании. Мои родители, хотя и были исключительно преданы своим детям, много ссорились, развелись, когда мне было восемь, и после этого жили за 3 000 миль друг от друга. Наша семья полностью распалась.

Когда мы с Майклом нашли между нами эти базовые общности (хотя и разных масштабов), и наши разговоры о жизненном опыте стали глубже, Майкл сделал нечто, чего, наверное, не делал никогда раньше: он взял меня в свой внутренний мир, в котором обитал вместе с детьми. Это было частное место, куда не допускались взрослые, — место, которое способны были понять только мужчины и женщины, потворствующие своему собственному внутреннему ребенку.

В ходе наших бесед Майкл начал делиться со мной бесчисленными уроками, которые выучил за время, проведенное с детьми. Он рассказал мне о своей твердой вере в то, что эта детская любознательность, за которую он так крепко держался, была источником его безграничной профессиональной креативности. Он объяснял свой ошеломительный успех отказом вырастать в тесный и ограниченный внутренний мир взрослых.

Для Майкла мир ребенка был миром чистоты, артистизма, открытости и радушия. Взрослые были скептиками, а у детей была естественная способность верить. Взрослые были скучными монолитами, заинтересованными в таких одномерных объектах

как деньги и социальный статус. Дети же были эрудитами от природы, их интересовал весь спектр цветов радуги. Мир взрослых был миром коррупции, очерствения и соперничества. Мир ребенка был невинен и свободен. В мире взрослого многое тяготило, а в мире ребенка ты мог свободно парить.

Мало что знающие аналитики неоднократно говорили, что Майкл Джексон был жертвой задержки в развитии. Я с этим не согласен. Я считаю, Майкл *сознательно* выбрал не вырастать. Это не было связано ни с какими задержками. Он мог, когда считал нужным, конкурировать и преуспевать в мире взрослых и обычно побивал их на их же поле. У меня есть видеозапись того, как Майкл продвигает группе инвесторов с Уолл-стрит идею о том, чтобы превратить Неверлэнд в водный парк развлечений. Его презентация могла бы посоревноваться с выступлениями многих директоров предприятий. Он определенно заработал свое место наверху в игре за славу и деньги.

Но даже хотя Майкл был готов совершать вылазки в мир взрослых, он отказывался проживать там постоянно. Он чувствовал, что для него это был бы недопустимый компромисс. В окружении взрослых, которые вечно тщательно разглядывали его, он никогда не мог быть искренне самим собой. Ему казалось, что, позволив он себе совсем вырасти, он потерял бы свой творческий дар, перестал быть простодушным, утратил радости жизни. И вот, как пловец с маской, который порой заплывает на глубину, Майкл иногда ненадолго заглядывал во взрослый мир. Но он должен был возвращаться назад, потому что этот мир он находил душливым.

Именно это делает данную книгу, составленную из разговоров, что мы записали, такой захватывающей. Она посвящена почти исключительно взгляду Майкла на мир детей. На этих страницах,

организованных по темам, отражающим ключевые для его личности детские ценности, мы видим глубинную сущность Майкла. Мы слышим песнь его души в его собственных словах и заглядываем в его неумолимое существо.

Майкл провел огромное количество времени погружившись во внутренний мир ребенка. За время непрестанных исследований этой территории, он постиг суть тех природных качеств, что делают детей такими творческими, вдохновенными, одаренными воображением. Без сомнения вы найдете эти озарения такими же интересными, как и я.

Конечно, была и темная сторона дела. Человек, чьи наблюдения описаны в данной книге, — это тот же человек, которого обвинили в серьезных незаконных деяниях по отношению к детям.

По моему мнению, какова бы ни была официально установленная причина смерти Майкла, нет сомнения в том, что он умер от разбитого сердца и глубокой непреходящей боли. Двумя основными источниками этой боли были надорванные отношения с собственным отцом и тот факт, что бесчисленное множество людей считало его хищником, охотившимся за ничего не подозревающими детьми. Во многих телевизионных интервью, где Майкл обсуждал выдвинутые против него обвинения, он отрицал, что является «Джеком Потрошителем» — сравнение, которое он употреблял неоднократно. Майкл знал, что некоторые люди ставят его интерес к детям в ту же категорию, что и интерес известного убийцы к женщинам. Для Майкла было мучительно сознавать, что сфера жизни, которая была наиболее важна ему и которой он жаждал посвящать наибольшее количество сил и времени, вызывала у других людей столько ненависти.

Майкл погружался в мир ребенка, чтобы захватить немного из его драгоценностей и испытать то, чего был лишен в детстве как ребенок-звезда. Также он хотел использовать свои наблюдения о детях, чтобы вдохновить взрослых быть более чистосердечными, более заботливыми, более искренними. Он хотел, чтобы родители ставили своих детей прежде всего остального, и часто говорил со мной о мечте учредить международный день детей, когда родители проводили бы целый непрерывный день с детьми. Но его очернители все истолковали превратно. Они увидели в выраженном интересе Майкла к детям тонкое прикрытие, маскирующее классические признаки педофила. В значительной мере, у Майкла так никогда и не зажили раны от обвинений в растлении ребенка, выдвинутых против него в 1993 году. И, хотя он был признан невиновным, он определенно так и не оправился полностью от ареста в 2003-м.

Вероятно, это была еще одна из причин, почему Майкл выбрал меня, чтобы, наконец, поделиться своими наблюдениями о детях. Он знал, что я не верил обвинениям. Он чувствовал, что я узнал его душу и понял, что он не может причинить вреда ребенку. И, по правде говоря, через годы, даже после того, как я откровенно и публично критиковал признание Майкла в том, что он разделял кровать с чужим ребенком, и называл это абсолютно неприемлемым и аморальным актом, я по-прежнему не верю, что Майкл Джексон когда-либо совратил или мог совратить ребенка. Я уверен, что обвинения были ложными.

Майкл знал, что поскольку я готов был критиковать его в других аспектах жизни, что я и делал нередко, тот факт, что верил ему в вопросе обвинений, означал нечто очень важное. Я — один из немногих, а возможно, даже единственный человек в жизни

Майкла, который постоянно читал ему нотации о том, что нужно изменить в жизни, дабы развернуть вспять неминуемый спад, — верил ему в вопросе, который значил для него больше всего.

Я не был слепым фанатом, который не видел в Майкле ни одного изъяна. Я снова и снова говорил ему, что пластические операции уродуют его, что пристрастие к лекарствам убивает его, и что его затворническая жизнь иссушает его сердце. Он терпеливо слушал, пока через два года его терпение не иссякло и наши отношения не начали ослабевать. Но это означало, что когда я выражал ему признательность за заботу о детях и за то, что он, величайшая звезда, старался обратить внимание мира на бедственное положение детей, моя признательность была искренней и неподдельной.

Я понимаю, что книга, основанная на рассуждениях Майкла Джексона о детстве, кого-то озадачит, многих разъярит, а некоторыми будет с готовностью отвергнута. В глазах фанатов Майкла их кумир безупречен, но в глазах его очернителей для изверга нет ничего святого.

Для многих скептиков, читающих эти строки, — и я уважаю ваше право на скепсис — я приведу известное еврейское учение, сформулированное одним из величайших мыслителей иудаизма, средневековым мудрецом Маймонидам: принимайте правду независимо от ее источника.

Эта аксиома имеет не только очевидный смысл — о том, что у всех есть чему поучиться. Наиболее удачно применять ее, когда мы колеблемся, стоит ли учиться у человека, в чьей моральной чистоте есть сомнения. Сделайте все возможное, чтобы научиться у него хорошим вещам, даже если вы отвергаете пункты, которые не приемлете или осуждаете. Кроме того, напомним вам, что Майкл не

был арестован в 1993-м, когда появились первые обвинения, и что мотивы отца обвинителя тогда подвергались серьезным и обоснованным сомнениям. Напомню также, что, как я уже сказал выше, присяжные единогласно оправдали Майкла по другим обвинениям в 2005 году.

Так зачем закрывать свой разум и сердце перед уроками о драгоценности детства от всемирно известного исполнителя, который всегда откровенно говорил о том, как разрушительно сказались отсутствие детства на его личности? Майкл верил, что родители могут научиться у детей гораздо большему, чем дети у родителей. Он так же, как и я, верил, что родителям их дети нужны больше, чем детям их родители.

Это особенно верно в век, когда детей так мало ценят. Многие современные родители – трудоголики и не проводят достаточно времени со своими детьми. Другие приходят домой не поздно, но только чтобы упасть перед телевизором и игнорировать детей остаток вечера. Майкл и его дети часто бывали на пятничных ужинах с моей семьей у нас дома. И отчасти в память о том времени, проведенном вместе, отчасти стремясь реализовать мечту Майкла о международном дне детей, когда родители уделяли бы своим чадам внимание, я запустил программу под названием «Превратим пятничный вечер в семейный вечер». Программа призвана учредить международные еженедельные семейные ужины, во время которых родители смогут подарить детям «тройную пару»: два непрерывных часа с двумя приглашенными гостями за обсуждением двух важных тем. Почему это так важно? Потому что около 30 процентов американских семей не собираются регулярно вместе за ужином. Мы, родители, просто не умеем демонстрировать детям их важность. Так разве удивительно,

что при этом дети больше всего на свете хотят стать знаменитыми? Они пытаются компенсировать недостаток любви избытком внимания.

Детство нынче настолько обесценено, что дети даже не хотят больше быть детьми. В нашем мире, где царят технологии и средства массовой информации, дети впитывают огромное количество слов, картинок, и музыки, убеждающих их в том, что они не очень ценны и самостоятельны. Хуже того, культура, в которую они погружены, едва ли защищает и оберегает детскую невинность и юношеский чистый взгляд на мир.

В век, когда семьи разрушены и дети одержимы гонкой к финишной черте взрослости, разве призыв Майкла к тому, чтобы вновь открыть волшебство детства, не является столь своевременным? Разве не стоит нам попытаться замедлить темп безудержного стремления детей к взрослой жизни и убедить их, что детство – самая драгоценная пора их жизни, и что дома, выстроенные на скудной основе, получают шаткими и ненадежными?

Пока мы с Майклом записывали интервью для книги, я начал глубоко задумываться о наших беседах. Вообразите себе. Двое взрослых мужчин, оба отцы, сидят вместе часами подряд в местах столь разнообразных, как Калифорния и Лондон, разговаривая о чем? Не о Уолл-стрит и не о том, как заработать денег. Не о футболе и не о том, чья команда выиграла Суперкубок. Не о политике и не о том, кто станет следующим президентом. О детях. О своих детях, о детях мира. Разговаривают о том, насколько прекраснее был бы мир, насколько радостнее могла бы быть жизнь, если бы взрослые воскресили в себе своего похороненного внутреннего ребенка. Если бы расчехлили свой детский энтузиазм.

Если бы перестали ограничивать себя в выражении эмоций. И если бы впустили свежий воздух детской любознательности в пыльные подвалы взрослого пессимизма. Что за чудесная жизнь это была бы! Вскоре в процессе бесед мы пришли к вопросу идентификации важнейших детских качеств, которые взрослым нужно стремиться сохранить. Это такие качества как радость, страсть, пылливость, способность удивляться, веселость, умение видеть мысленным взглядом, прощение и отсутствие стыда перед тем, чтобы демонстрировать свое незнание и задавать вопросы. Чем больше мы говорили, тем сильнее я чувствовал, как эти детские качества просыпаются внутри меня. Иногда мне даже удавалось посмотреть на вещи с точки зрения Майкла. Я заканчивал беседу, возвращался во взрослый мир, в котором проживал, и он казался мне гораздо менее впечатляющим, чем еще несколько часов назад.

Майкл считал, что взрослые проводят большую часть жизни, пытаясь произвести впечатление друг на друга, вместо того, чтобы просто вести себя естественно. Они постоянно ищут финансовой или политической выгоды и постепенно начинают рассматривать взаимодействие с другими людьми лишь как средство для достижения своих целей. Майкл постоянно говорил мне о том, как не нравятся ему попытки людей подружиться с ним из-за того, что он знаменит. Он любил проводить время с детьми, потому что у них не было скрытых планов. Точно так же и я начал видеть, как многие люди заводят не дружбу, а контакты. Как мужчины и женщины, говоря одну вещь, имеют в виду нечто совсем иное. И как самомнение мешает людям жить той бескорыстной жизнью, которой они хотели бы жить.

Во время наших бесед с Майклом я иногда чувствовал, что перемещаюсь в гораздо более чистое место, где такие простые вещи

как облака были бесконечно захватывающими, а цветы — более впечатляющими, чем Феррари. Сейчас все это может звучать наивно, но такое у меня было чувство. И оглаживаясь назад, я скучаю по тем беседам, потому что они помогли мне гораздо лучше понять своих детей.

Когда после этих разговоров я возвращался домой к детям — а часто это означало перелет из Неверлэнда в Нью-Джерси — я находил, что получаю больше удовольствия от общения с ними. Я был терпеливее к ним. Я внимательнее слушал, что они хотят сказать. Я и до этого был вовлеченным отцом, но была ли моя вовлеченность на моих собственных условиях или на их? Ожидал ли я, вечно делая им замечания о безответственном несерьезном поведении, что они присоединятся ко мне в мире взрослой зрелости и ответственности, или же позволял себе быть затянутым в их мир безопасности и радости?

Я начал медленно отказываться от своей давней веры в то, что вылепливание из детей того образа, который я считал подходящим, — это лучшая форма родительского воспитания. Теперь я посвятил себя тому, чтобы понять их и узнать их, и это стало казаться мне самым важным. Мне пришлось научиться растить их, как Царь Соломон сказал в Книге притчей, «по их разумению». Теперь я принял точку зрения Майкла. Дети не были неотесанными созданиями, которых нужно спасать с помощью образования и обучения манерам. Нет, в них было нечто дивное и непостижимое. И если бы родители иногда становились немного послушнее в обществе своих детей и открывали свои сердца, впуская их свет, они бы наладили с детьми более искренние и менее натянутые отношения.

Вообще говоря, я сам вырос слишком быстро. Не как Майкл, который обошел детство почти полностью стороной, но я тоже пропустил многие из его ключевых составляющих. Сначала был развод моих родителей. Очень часто дети развода не могут позволить себе оставаться детьми. Они в раннем возрасте сталкиваются со взрослыми несчастьями и эмоциональными травмами. Им нередко приходится ухаживать за своими родителями, которые мучаются болезненными ранами и чувством вины. И если родители заняты битвой за право опекуна и дележом имущества, то дети иногда оставлены, в самом прямом смысле, на собственное попечение.

Самый ранний намек на то, что я отличаюсь от других мальчиков, оставшихся обычными детьми, я получил, когда в девять лет поехал в летний лагерь. Каждый вечер перед сном вожатый рассказывал нам историю. Затем он объявлял, что пора спать, желал нам спокойной ночи и уходил из комнаты, и вскоре все дети уже спали. Кроме меня. Я был ошарашен. То есть дети вот так просто кладут голову на подушку и засыпают? Вы шутите, верно? Мне такого не удавалось никогда. Каждую ночь я ложился в постель, крутился и ворочался два часа, думал обо всем, что меня беспокоило, размышлял о том, где Бог, горевал о разбитых осколках своей души и, в конце концов, когда уже не мог больше держать глаза открытыми, засыпал. И вот там, в лагере я начал понимать, что беззаботность моего детства ускользнула от меня.

Как человек, который вырос слишком рано, я не всегда ценил детские качества. Мне они казались незрелыми. Мне не нравилось рисовать цветными карандашами. В двенадцать лет я уже купил мопед, хотя водить его разрешалось только с пятнадцати, и разъезжал по всему Майами-бич. Наконец, я оставил дом ради

раввинского училища и жил в общежитии, начиная с четырнадцати лет. Я совершенно точно был в лагере тех, кто смотрел бы на такого человека, как Майкл Джексон, с его чтением комиксов и лазаньем по деревьям, как на большого младенца.

Но эти беседы с Майклом начали менять мое отношение. Может быть, из-за своего пренебрежения к собственному детству я позволил себе вырасти черствым и циничным. Я гордился тем, что начал жизнь рано и много достиг еще до тридцати лет. Но, возможно, в процессе этого я тоже начал смотреть на людей как на средства для достижения цели. Возможно, признание моих трудов раввина в Оксфордском университете, и даже скромный статус писателя и ведущего стали для меня чересчур важны. Сколько своей невинности я принес при этом в жертву?

Это было неожиданно и удивительно — видеть во время наших еженедельных, а иногда проходивших два раза в неделю сессий, как ведущий артист своего поколения приходит в неописуемый восторг от просмотра «The Three Stooges» по телевизору. Может быть, Майкл был прав. Может быть, взрослые развлечения стали чересчур жестокими, чересчур эксплуататорскими, чересчур безнравственными.

Конечно, Майкл довел свое погружение в детский мир до крайности. В конечном счете, все мы вырастаем, и нам приходится принять взрослую ответственность, познать зрелость и жить жизнью полноценного члена общества. И Майклу пришлось понять, что его лучшие друзья просто не могли оставаться детьми. Им нужно было общество сверстников, как и ему.

Но с некоторыми важными модификациями представление Майкла начинает выглядеть очень разумным. Чего нам всем следует искать, так это не того, чтобы быть Питерами Пэнами,

взрослыми детьми, которые никогда не вырастают. Скорее нужно стремиться быть индивидуумами, никогда не забывающими радость, беззаботность и умение не прятать свои чувства. Снаружи мы должны быть гармоничными взрослыми. Но достигаться это должно за счет того, что не потерял ребенок внутри. Эта ключевая идея раскрывается через обсуждение вдохновляющих детских достоинств в этой книге.

Майкл однажды сказал мне в памятном разговоре, представленном в книге «The Michael Jackson Tapes», что если бы когда-нибудь он не смог больше заниматься своей миссией от имени детей, то выбрал бы смерть. В значительной степени люди помешали Майклу заниматься работой с детьми, когда поставили под сомнение его мотивы и выдвинули против него серьезные обвинения.

Майкл хотел, чтобы его жизнь стала синонимом великого благого дела. Он хотел сделать мир более чистым, более веселым, более живым. И добиться этого он надеялся, рассказав об уроках, которые преподносят нам дети мира. Невозможность довести до конца начатое медленно отравляла его душу. Это причиняло ему такую сильную боль, что он выбрал пагубный способ заглушить ее пристрастием к медицинским препаратам, в конечном счете, стувившим его.

Но мы, пережившие Майкла, можем наконец исправить эту несправедливость. Майкл вызывал в людях либо фанатичную преданность, либо фанатичное неприятие. И каким-то образом среди бесконечных скандалов вокруг тайн Майкла Джексона затерялось его искупающее послание о детях.

Правда заключается в том, что едва ли кто-то из современных знаменитостей вложил больше умственной и эмоциональной энергии в то, чтобы попытаться понять мир ребенка, чем Майкл Джексон. Можно смеяться над этим, если угодно. Можно отмахнуться от этого, как от незрелого и регрессивного поведения. Но, что интересно, сам Майкл принял бы это обвинение в ребячестве как комплимент. Вот если бы вы обвинили его во взрослости, он был бы оскорблен.

Майкл однажды сказал мне, что смотрит на взрослых как на собак – и он не вкладывал в эти слова унижительного смысла. Когда ты покупаешь взрослую собаку, объяснил он, ты не знаешь, какая у нее история. Обижал ли ее предыдущий владелец? Стала ли она озлобленной из-за пренебрежения? Укусит ли она из-за этого? Но у щенка нет истории, и он не сделает тебе больно. Майкл чувствовал боль, которую причиняли ему взрослые. Во многом, по его утверждениям, его опыт в руках взрослых был негативным: жестокое обращение со стороны отца, которого он любил, обожание льстецов за его ремесло, а не сердце, фальшивая дружба приближенных, начатая ими для личной выгоды. И, хотя он не говорил этого, но, в конечном счете, и доктора, притворявшиеся целителями, но позволившие себе вместо этого стать его дилерами. Дети же, в противоположность этому, относятся к нему как к нормальному человеку. Для желтой прессы он мог быть «Чокнутым Джеко», для своих фанатов – «Королем поп-музыки», но для детей он был просто Майклом. Это с ними он нашел свободу, которую слава украла у него в пятилетнем возрасте.

Нашему миру нужно вновь обрести потерянную невинность. Мы должны верить, что однажды, как предрек Исайя, народы

перекуют мечи в плуги. Человек больше не будет учить своего сына искусству войны. Мужья и жены обретут в сердцах любовь друг к другу и перестанут разводиться. Родители и дети протянут руку через поколения и создадут гармоничные семьи. Нам всем нужно вернуть оптимизм и чистоту нашей юности. Майкл, как бы несовершенен он ни был, вел нас к этому. И даже если мы решим не следовать за ним туда до конца, это не значит, что мы не можем позволить ему открыть нам глаза чуточку шире.

Вперед! Читайте. Ваше потерянное детство ждет вас.

Внимание, почет и уважение

Спасибо за то, что Ты создал вещи такими прекрасными

ШБ: Тебя многое в жизни изумляет и удивляет, не так ли? Расскажи мне, что тебя вдохновляет.

МД: Красивый закат очень впечатляет меня. Я молюсь, когда вижу что-то настолько величественное. Например, на днях я молился. Над горами нависли облака, солнце садилось и отбросило на небо прекрасный оранжевый отсвет. Как можно увидеть подобное и не воскликнуть: «Вот это да!» Я сказал про себя: «Господи, мир так прекрасен! Посмотри на облака! Спасибо за то, что Ты создал вещи такими прекрасными!» Облака несут важную функцию — мы знаем, что они дают влагу, кислород. Но они не обязаны улаждать взор. Они не обязаны вдохновлять. Это маленький дополнительный штрих.

ШБ: Это ведь качество, присущее детям, — вот это ощущение изумления и чуда. Взрослые часто теряют его, становясь такими практичными. Ты не чувствуешь этого в детях? Красивые виды впечатляют их гораздо сильнее.

МД: Да! Я не представляю, как можно потерять его и принимать такие вещи как должное. Я вижу Бога в своих детях. Через детей я говорю с Богом. Я благодарю Его каждый день за благословение, дарованное мне в виде моих детей. В ребенке запечатлено чудо Господа.

ШБ: Ты много раз говорил, что дети — это дар Господа нам. Что это означает для тебя?

МД: В моей семье мы любим детей. Если заходит малыш или ребенок, мы хотим обнять его, взять на руки. Мои братья и сестры все такие. Я не понимаю, почему люди не чтут детей, почему от них отмахиваются так, будто они — ничто. Ведь от них зависит завтрашний день.

ШБ: Означает ли это для тебя, что раз в религиях есть священные объекты, то самый священный из всех — ребенок? Что дети заслуживают признания, почитания и уважения?

МД: Да, означает. Детям нужно выказывать немного одобрения, давать им понять, что они поступают правильно. Поощрять их относиться с добротой и любовью к тем, кто добр к ним, садиться к людям на колени. Дети готовы проявлять такое доверие постоянно, но они боятся.

Например, когда кто-нибудь предлагает ребенку что-нибудь, ребенок с энтузиазмом за это хватается. И в следующий раз, когда придет этот человек, ребенок бросится к нему с восторгом. Хорошо ли это? Конечно, хорошо! Детям часто нужна наша улыбка одобрения, а мы им ее не даем. Шмули, твои дети так естественно благодарны за все! Это очень мило, все эти письма и подобные вещи. И я знаю, что ты, как родитель, поощряешь их, и они получают твое одобрение, твою улыбку одобрения.

ШБ: То есть ты чувствуешь, что в ребенке уже имеются эти качества. Все, что требуется от родителя, чтобы укрепить способность ребенка к любви, это поощрять их, говорить: «Это хорошо». Простого признания достаточно, чтобы побудить

ребенка развивать доброту, великодушие, признательность, благодарность.

МД: Да, мне кажется, взрослые, родители, слишком заняты, пытаясь вырастить из детей тех, кого сами хотят видеть, вместо того, чтобы принять их такими, какие они есть, какими они пришли на эту планету. Очень многие талантливые люди не получили одобрения своих способностей у собственных родителей, и мне кажется, это ужасно.

ШБ: Давай поговорим о честолубии, особенно применительно к детям. Ты был честолубив и остаешься таким. Но разве это качество присуще детям? Ведь честолубие зачастую может проявляться как безжалостность.

МД: Нет. Я думаю, каждый ребенок рождается с желанием заниматься чем-то конкретным и быть похожим на кого-то, кто уже добился определенного успеха. А взрослые внушают им, что это неправильно: «Ты шутишь? Не валяй дурака! Я хочу, чтобы у тебя была нормальная работа. Какие у тебя шансы на успех, если ты будешь заниматься этим?» Братья Райт, которые собирали велосипеды, мечтали о том, чтобы попробовать осуществить полет. Люди никогда не вспоминают об оскорблениях, которые им пришлось вынести — этим двоим ребятам. Или Эдисон: с каждым открытием мир поднимал его на смех и давал ему отрицательные отзывы. Все вокруг! И позже он об этом рассказывал. Или Дисней, которому всегда говорили: «Кончай заниматься глупостями». Даже родной отец ему это говорил: «Рисовать хочешь? А не найти ли тебе нормальную работу?»

ШБ: Так чего ты хочешь для Принса и Пэрис? Ты хочешь, чтобы они сами рассказали тебе, чего хотят добиться?

МД: Да. Я уже знаю. Принс говорит мне, что хочет снимать фильмы. Он сидит, смотрит, и дает указания, как режиссер.

ШБ: Надо же! Видно, что тебе легко уважать мечты и стремления своих детей. Но Майкл, мне кажется, многие люди смотрят на детей как на бремя, а не как на наслаждение, которым они на самом деле являются. Дети требовательны. Родители нынче разрываются на части и порой теряют терпение со своими детьми.

МД: Они именно что смотрят на детей как на бремя! Ты прав! Я видел, как жестоки могут быть люди, как они могут оскорблять, осуждать, как они делают больно. И это дети спасли мне жизнь, правда.

ШБ: Боль, с которой ты живешь, проходит, когда ты помогаешь детям? Это приносит тебе искреннюю радость, на сердце становится легче?

МД: Особенно если я знаю, что детям больно, — это тяжелее всего. Это причиняет мне самые сильные страдания. Я не могу притворяться, что не чувствую этого, потому что чувствую, и очень остро.

ШБ: Боль и переживания твоего детства все еще остались с тобой. Как тебе кажется, ты теперь завоевал одобрение своих родителей? Твоя карьера оправдала тебя в их глазах?

МД: В глазах родителей? Да, им нравится то, что я делаю. Я — это продолжение их альтер-эго, их подсознания — как ни назови. Думаю, я воплотил мечты отца о том, кем он сам хотел стать, но смог стать лишь через своих детей. Я в это верю.

ШБ: Он когда-нибудь говорил тебе об этом?

МД: Нет, так прямо — никогда. Было бы здорово.

ШБ: При всем твоим успехе, они ни разу не сказали: «Сынок, я тобой горжусь»?

МД: О-о, если бы! Но я вижу, что завоевал его любовь, его одобрение, потому что он иногда говорит: «Хорошее шоу!» — вот так. Он очень сдержанный. Никогда не скажет: «Я с тобой». Он скажет: «Хорошая работа».

ШБ: А мать, она говорит: «Мы тобой гордимся»?

МД: О да, с объятиями и поцелуями. Она очень ласковая, эмоциональная, и всегда открыто выражает свои чувства.

ШБ: Приведу тебе пример. Стивен Спилберг снял «Список Шиндлера», а его мать держит кошерный ресторан...

МД: Я был там. Посылал ей цветы и все такое.

ШБ: Я говорил с ней, когда она выходила в зал поприветствовать гостей. Я спросил: «Вы, должно быть, очень гордитесь своим сыном? “Список Шиндлера” взял Оскара и рассказал всему миру о Холокосте». Она ответила: «Ах, я даже описать не могу...»

У тебя есть такое ощущение, будто родители сказали тебе: «Ничто не заставило бы нас гордиться тобой сильнее»?

МД: Я думаю, они это чувствуют. Я верю.

ШБ: Но, тем не менее, ты бы хотел услышать это от своего отца.

МД: Да, это много значило бы для меня. Он пытается это сказать, но я не знаю, способен ли он. Он работает над собой, но это трудно. Трудно научиться проявлять свои чувства. Поэтому я всегда стараюсь быть ласковым со своими детьми. Я смотрю им в глаза и говорю: «Я люблю вас». И они мне это все время говорят. Они говорят: «Мое сердце скучает по тебе». Вот такие слова произносят.

Детское простодушие

*Дети – это напоминание о том...
что мы должны помнить*

ШБ: Ты теперь не только сын, но и отец. Это изменило твое восприятие детства и невинности?

МД: Скажу тебе так. Я думал, что готов стать отцом, но оказалось, я ошибался! Всю свою жизнь я читал о том, как чудесны дети. Люди недоумевали: «Да что тебя так тянет к этим младенцам?» Я постоянно читал книги по детской психологии. Но это оказалось гораздо большее счастье! Принс и Пэрис изменили меня во многом. Я учусь у них не меньше, чем они учатся у меня. У детей учишься иметь доброе сердце и быть хорошим человеком. И, в силу своего характера, я стараюсь подражать им. Люди всегда говорят: «Веди себя по-взрослому». Но я стараюсь вести себя больше как ребенок, потому что дети простодушны, они созданы по образу Господа, они чисты. Я пытаюсь быть таким же непритязательным и добрым, как они.

ШБ: То есть ты говоришь, что это не родители должны стараться вырастить детей так, чтобы те отражали их ценности, но это почти как если бы Бог давал нам детей, чтобы мы сами смогли вновь стать детьми?

МД: Я на самом деле так считаю. Дети – это как будто напоминание о том, какими мы должны оставаться, о том, что мы должны помнить. Когда апостолы спорили между собой, кто самый великий в глазах Иисуса, Иисус сказал им: «Пока вы

не начнете вести себя, как это дитя... умалите гордыню, как это дитя...» [Полагаю, Майкл ссылаясь на слова Иисуса в Евангелие от Матфея, 18: «В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном? Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном».] И это правда.

ШБ: Но как тебе удалось сохранить присущие детям качества при таком давлении и столь высоких ожиданиях от тебя?

МД: Это трудно даже объяснить. Я просто откровенен с собой. Мне кажется, большинство людей неискренны с собой. Я даю себе волю, выпускаю на свободу свою личность в ее самой чистейшей форме, и это и есть простодушие.

ШБ: То есть ты отринул давление окружения, ты не собираешься становиться тем, что хотят видеть в тебе люди. Но тебе пришлось заплатить за это?

МД: Да, огромную цену. Но я никогда не потеряю своей детской сущности, потому что таково мое сердце. Оно так и не выросло со мной — не знаю, почему. И не хочу, чтобы выросло. Мне кажется, у меня сердце простодушного ребенка — и я не нахваливаю себя, не подумай. Я вижу жизнь так, как видят ее дети. Когда они что-то чувствуют, я чувствую то же.

ШБ: Так значит, многие из нас теряют детское простодушие. Мы превращаемся из людей с большим сердцем и широкой душой в ограниченных и мелочных людей? Как мы попадаем в заблуждение, что простодушие — это плохо? Почему расточаем свое природное сокровище, детскую естественность, и становимся такими, какими хотят видеть нас окружающие?

Одна из твоих особенностей, Майкл, — в том, что ты рано увидел две стороны зрелости. Зрелость несет разум и мудрость, но также и пустоту, воплощение жестоких амбиций и искаженных ценностей, при том, что на самом деле король-то голый. Ты смог сказать: «Я этого не хочу. Я хочу наслаждаться естественными радостями, танцевать как ребенок и быть абсолютно свободным».

МД: Мир вынуждает нас вырастать. Он вокруг нас, и он влияет на детей — поначалу через других, старших ребят. Когда родители отводят детей в школу и целуют на прощанье, что говорит им ребенок? «Не надо, мам, мои друзья увидят!» Разве же это плохо: продемонстрировать ребенку свою любовь? Но мир уже повлиял на тех, других детей. Они дразнятся: «Это не круто... А я теперь крутой!» Им уже привито такое восприятие.

ШБ: Конформизм и давление среды делают свое дело и гасят искру индивидуальности. Знаешь, как Авраам Линкольн сказал: все мы рождаемся божьими подлинниками, а умираем человеческими копиями.

МД: Великолепно. Как точно, не правда ли?

ШБ: Нашим детям рассказывают большую красивую ложь. Мы говорим: пока ты ребенок, ты в Эдеме. Адам и Ева были как дети. Они воплощали в себе все детские качества. В них не было высокомерия, не было неискренности. И Змей приполз к ним и сказал: «Это не настоящая жизнь. В этом месте, что вы зовете Райским садом, царит незрелость, глупость. Вам пора вырасти из этой ребяческой ерунды. Там, снаружи, вас ждет целый мир». И люди начинают верить в эту ложь. Они принимают решение покинуть Райский сад и уйти за Змеем

из этого состояния детства.

Это происходит и с нашими детьми. Быть ребенком считается не круто. Детей подталкивают к вере в то, что «быть взрослым», испробовать «взрослые» вещи — лучше, чем оставаться ребенком. Что это лучше, чем простодушие и свобода детства. А потом, когда они становятся старше, мы не можем понять, почему их жизни выстроены на столь шаткой основе. Они словно деревья, не имеющие корней.

МД: Если бы мне не пришлось испытать столько взрослых впечатлений в детстве, я бы гнался за ними сейчас, чувствуя, что иначе упущу что-то важное. Из любопытства люди хотят увидеть мир, который их окружает. Но я уже видел его и делал все это.

Зато я буду тем, кто скажет: «Послушайте! В вашей жизни сейчас — самый чудесный, волшебный период. Не пытайтесь вырасти раньше времени! Не пытайтесь стать похожими на кого-то другого! У вас еще вся жизнь впереди на то, чтобы побыть взрослыми. Волшебство — здесь». Дж. М. Барри, написавший «Питера Пэна» описал это лучше кого бы то ни было. Когда его младший брат умер в возрасте двенадцати лет, он почувствовал зависть, потому что понял, что брату не придется вырастать. Он навсегда останется мальчишкой, и в этом настоящее золото. Это и вдохновило Барри на книгу о Питере Пэне. Правда, «Питер Пэн» вырос из этого переживания. Автор чувствовал, что его брат навсегда останется мальчишкой, и так оно и было.

ШБ: И ты считаешь себя Питером Пэном, поскольку понимаешь необходимость всегда оставаться ребенком? Но насколько ты ассоциируешь себя с этим героем? Только в том, что он

никогда не вырос, или еще и в том, что мир сделал ему больно?

МД: В том, что он хотел сохранить свою чистоту навечно и знал, в чем заключается золотая магия детства. Он хотел, чтобы мы держались за нее. Потому что как только ты вырастаешь, она исчезает, и поэтому Питер Пэн — это древняя, древняя душа. Он, как Е.Т., (из фильма «Инопланетянин»), живет уже миллионы лет, но так и не вырос. И вот он находит эту семью и забирает детей в Неверлэнд, где они навсегда останутся юными.

ШБ: Ты познал секрет, как остаться вечно юным?

МД: Сердцем — да.

ШБ: Неужели вся ненависть, с которой тебе пришлось столкнуться, никак тебя не испортила? Ты никогда не чувствовал горечь? Люди превращаются в циничных взрослых, потому что иногда шрамы, оставленные этим миром, болят, и боль разрушает людей изнутри. Они не могут позволить себе оставаться наивными и чистосердечными. Мир воспользовался их простодушием, так что им приходится сжать кулаки в целях самозащиты. Как тебе удалось подняться выше этого?

МД: Я остаюсь выше этого, потому что верю в правду. Я верю в детей — в то, что нужно снова стать ребенком в душе. Если бы только мы могли всех научить верить детям... Я думаю, секрет в этом. Честное слово.

ШБ: Но если среднестатистический человек сталкивается большим количеством ненависти, он либо начнет ненавидеть в ответ, либо, во всяком случае, станет меньше доверять людям.

МД: Мне это несвойственно. Я пытаюсь быть любящим, пытаюсь находить любовь и видеть любовь во всем. Я люблю природу, люблю лес. Мне нравится изящество и нежность природы и то, как легко ей быть великодушной. Она лишь дарует. Это прекрасно!

ШБ: Ты видишь природу как мир ребенка, а город как мир взрослого?

МД: Да, уличная жизнь совершенно чужда мне. Я ненавижу город. Я люблю природу.

ШБ: Город полон высоких зданий и грандиозных сооружений. А природа для тебя нежна и ласкова, сердечна и радушна?

МД: Да, и щедра. Я обожаю ее. Детей и природу я люблю одинаково.

ШБ: Когда ты строил Неверлэнд, ты задумывал его как особое место, где ты чувствовал бы себя в защищенности, так же как Адам и Ева чувствовали себя среди природы Райского сада? Место, где ты мог бы уединиться и в котором черпал бы силы?

МД: Да, где я мог бы гулять, зная, что за мной не следят, чувствовать единение с природой, лазать на дерево, и делать все то, чего мне не довелось делать в детстве. И я обожаю это! Когда я сижу на этом дереве, окруженный миром веток и листьев, и слышу журчание воды внизу, я блаженствую. Я в настоящем раю и чувствую, что все мне под силу. И так же я себя чувствую рядом с детьми. Мне все под силу, мои возможности не знают границ.

ШБ: Если бы ты привел взрослых всего мира в Неверлэнд, думаешь, это было бы чем-то вроде крещения?

МД: Однозначно. Я не представляю, как это может не изменить человека! Нас притягивает вода. Есть в наших душах что-то,

что требует воды. Мы стекаемся на пляжи, даже если не купаемся. Мы паркуемся там просто чтобы посмотреть на успокаивающий океан. Это как терапия, как медитация. Как пища для души — она нам необходима. В этом, как мне кажется, и есть роль природы. Она необходима нам. Многие великие творцы, которых знала история, оказавшись в тупике, чувствуя раздражение или усталость от работы, выходили в лес или совершали длительные прогулки на чистом воздухе и возвращались с новыми силами. Нам это необходимо. Для этого и нужны отпуска.

ШБ: Знаешь, Библия говорит, что через Райский сад протекали четыре реки — в его центре была вода. Ты говоришь очень близкие к этой истории вещи, даже не сознавая того. Называя это уподоблением Питеру Пэну, как хочешь, но это попытка воссоздать Рай, потому что дети в некотором смысле живут в Раю.

МД: Наибольшую радость мне доставляет видеть детишек, играющих в красивой местности, где есть вода, деревья. Я люблю озера за их неподвижность (от вида океана мне немного неуютно), и чтобы рядом играли дети, и кругом трава, холмы. Нет ничего более волшебного! Помнишь сцену из «Звуков музыки», где они в Альпах, и дети бросают друг другу мяч, а у Джули Эндрюс гитара? Камера отъезжает, и захватывает монументальные горы. Боже! И солнце светит с нужного ракурса, так что волосы у них имеют серебряный ореол, и это снято на широкоугольный объектив. Просто восхитительный момент!

ШБ: Ты, кстати, бывал там? В Оберзальцберге, в Австрии?

МД: Да, мне очень понравилось. Мы проезжали его зимой. Мне нравятся такие места, они нужны. За это я люблю Рузвельта: он берег и охранял национальные парки. Если бы не Рузвельт, Йосемити был бы уже уничтожен. Его бы застроили многоэтажками, и от него бы ничего не осталось.

ШБ: Ты хочешь помочь людям сохранить их детскую сущность, детский дух, верно? Похоже, что взрослые, начав жизнь великими людьми, позже мельчают. Боль и жизненные злоключения истощают их личности. Некогда ласковые и добрые дети, они постепенно мрачнеют. Как плод, который срывают с дерева: в первые дни он сочен, но потом начинает увядать. Дети ведь гораздо ближе к природному началу, не так ли, и потому добрее. Но как нам научить взрослых восстановить эту связь с природой, чтобы не угасать — не становиться меркантильными, озлобленными и одинокими? Предложить им не вымышленный фонтан молодости, но некий источник природы и рая, который они могли бы обрести *внутри*? Ведь внутри фонтан молодости есть всегда, и ты веришь, что испил из него. Так что тебе теперь нужно привести людей к этому источнику. Мы должны понять, как взрослые люди теряют эту божественную природу, почему, вырастая, они становятся более меркантильными и несчастными? Что с ними происходит? Ты видишь примеры тому в твоей индустрии?

МД: Знаменитости пытаются быть такими, какими они хотят, чтобы их видел мир. «Пора мне вести себя на 18 лет, пора вырасти. Пойдем, подцепим девочек! Пойдем, потанцуем, пойдем, оторвемся!» Они считают, что должны соответствовать тому образу, что показывают на большом экране. Но это чья-то

чужая теория, чужая концепция того, как надо жить. Это не значит, что надо ей следовать. Они забывают о том, что волшебство — здесь.

ШБ: Так я хочу спросить тебя, что для тебя значит Неверлэнд? Ты вложил в это место помыслы, деньги и душу. Ты пытался создать какое-то подобие Эдема, Рая?

МД: По правде говоря, я просто создавал мир, каким хотел бы его видеть, наполнял свою жизнь вещами, которые мне не довелось испытать в детстве, такими как аттракционы и кинотеатры. Я хотел иметь все, что мне нравилось делать, на своей территории, потому что знаю, что не могу выходить в мир. И мне хотелось, чтобы это было место, куда будут приезжать больные малоимущие дети со всего мира — рай для них, где они будут чувствовать себя в безопасности и смогут ненадолго убежать от действительности. Или дети из бедных районов, которые никогда не видели подобных вещей... чтобы они могли подышать свежим воздухом, увидеть горы и все такое. Мне хочется, чтобы в Неверлэнде было гораздо больше воды: я хочу устроить больше водопадов и пещер. Таким я его вижу. Я считаю, что вода обладает целительным действием, а животные — это лучшая терапия... Природа лечит.

ШБ: Но все это для того, чтобы забирать детей туда из реальности? Или чтобы дети могли окунуться в эту атмосферу и распространить ее? Ты хочешь сделать таким остальной мир? Неверлэнд — это модель или пристанище?

МД: Ты знаешь, это отличное предположение — про модель, — потому что люди, побывавшие там, после чувствуют себя гораздо лучше. Они чувствуют себя помолодевшими, исцеленными... я это видел! Неверлэнд преображает людей.

Природа и любовь делают свое дело. Музыка проникает в траву и побуждает деревья расти красивее, птиц слетаться. Я постоянно поддерживаю такую атмосферу. Когда туда приезжают дети, она становится осязаемой, ты прямо чувствуешь чистоту! Олени приходят, и это просто потрясающе. В этом мире я живу.

ШБ: То есть он похож на Райский сад, где все наслаждения земли — музыка, красота животные, что мирно живут с людьми, — находятся под рукой.

Творчество И ВДОХНОВЕНИЕ

Все самые творческие люди ведут себя как дети

ШБ: Когда родились Принс и Пэрис, это изменило твой взгляд на карьеру, музыку, творчество — на свою жизнь?

МД: Дети получают первый приоритет в моей жизни. Я чувствую, будто мое творчество сейчас достигло своей наивысшей формы, потому что они вдыхают его в меня... Они вдохновляют меня.

ШБ: Значит, хотя они и имеют первенство в твоей жизни, но ты также говоришь, что они подстегнули твою карьеру, потому что ты больше творишь, у тебя больше вдохновения. Когда я впервые позвонил тебе по телефону, я сразу спросил тебя: «Здравствуй, Майкл, это твоего сына слышно на заднем плане?» Ты ответил: «Да, это мой сын. Они — самое лучшее. Правда, ведь, они — лучшее?» Это были твои первые слова мне.

Это свойство твоей творческой природы — то, что ты чувствуешь себя так естественно с Принсом и Пэрис и другими детьми, но тебе тяжело быть естественным со взрослыми? Для детей ты не суперзвезда, для них ты просто Майкл.

МД: Им нет дела до моего статуса, с ними я могу быть собой и впрыгнуть в их волшебный мир. В их мире я всегда жил, всю свою жизнь. Именно на этом уровне, в этом сознании зарождается все творчество, весь гений: — будь то скульптор,

артист, художник — на этом уровне детской искренности. Творчество происходит из этого свойства. На самом деле! Из этой чистоты Господа. И я думаю, мы пока совершенно не продвинулись в понимании того, кто такие дети.

Детей формирует система: что называется, «давление среды», попытки подогнать их под то, каким, нам кажется, человек должен быть — вести себя как взрослый, быть подростком, быть мужчиной, — и они теряют это золотое волшебное качество, которое заключается не в ребячестве и незрелости, но в детской простоте и непосредственности. Все творчество, от работ Микеланджело до Спилберга и Джорджа Лукаса... все самые творческие люди ведут себя как дети. Они играют в игры вроде Nintendo, читают комиксы. Большинство людей были бы шокированы, узнав об этом. Но я общаюсь с ними, и вижу это, и знаю это. И я такой же. У меня есть комиксы, и я их обожаю! Наши дети — самое золотое, что у нас есть, и видеть то, что происходит, видеть проблемы, которые есть у детей в мире... Мне кажется, я примерно знаю их причину. Это великий посыл нам в одно слово: любовь. И дети учат, как надо любить.

ШБ: Многие из великих ученых в Оксфорде — как дети. Эти люди известны своей эксцентричностью. У них вечно рубашка торчит из брюк, они вечно непричесанны и чаще всего вообще не замечают, где находятся. Они постоянно все теряют. Типичные рассеянные профессора. Посмотри на Робина Уильямса: как «инфантильно» он может себя вести. И я не вкладываю в это слово никакого уничижительного смысла.

МД: Я обожаю, когда он так себя ведет! И когда Джим Керри ведет себя как безумец. Обожаю!

ШБ: Джон Белуши, кажется, говорил, что его творчество происходит из кокаина. Но это вещь того же плана, поскольку, когда он слишком стеснен, зажат, кокаин раскрепощает. Это был его способ преодолеть внутренние ограничения и сдержанность, пусть и с пагубными последствиями. И выпивка дает тот же эффект. Люди принимают алкоголь, чтобы снять зажатость. Это все просто разные способы достижения внутреннего раскрепощения и свободы. Есть отрицательные, пагубные, необычные способы, такие как наркотики и алкоголь, а есть здоровый путь — и это возврат к чистоте и невинности.

Пикассо однажды сказал, что каждый ребенок рождается художником, что мы, конечно, наблюдаем, так как дети любят рисовать. Как ты думаешь, у детей есть и врожденная музыкальность?

МД: Я слышал, что клетки организма на самом деле двигаются в ритме музыки, которую мы слушаем. Они по-разному реагируют на гобой, флейту или фагот. И детьми ритм движет физически. Они чувствуют его в теле.

ШБ: Реакция детей на музыку кажется интуитивной. Она выглядит естественно. И такое впечатление, что ты сохранил эту естественность движения. Тебе просто нужно двигаться.

МД: Нужно, и я не властен над этим. Я слышу музыку и не понимаю, почему никто кроме меня не реагирует. Мое тело просто вынуждено двигаться. Настоящий танцор — тот, кто может интерпретировать звуки, которые слышит. Ты становишься басом, становишься ударными, становишься скрипкой, гобоем. Это все идет изнутри, не показное. Это не от разума. Поэтому когда танцор начинает считать — «раз, и два,

и три...» — он думает, а это должно уйти. Когда он считает про себя, это видно по лицу. Выражение лица должно соответствовать тому, что ты чувствуешь в теле. Я, когда танцую, даже не знаю, куда веду свой танец. Это просто импровизация, танец создает себя сам. Но все равно такое самовыражение достигается адской работой над телом. Надо быть настолько преданным своему творчеству.

Любознательность

[Дети] все находят захватывающим

ШБ: Ты сказал, что творческие, одаренные воображением люди все по-детски простодушны. Расскажи мне о своей любознательности. В чем она выражается? Проявляется ли она в погоне за знанием? Я знаю, что у тебя обширная библиотека книг, многие из которых — специальные издания в кожаных переплетах.

МД: Мне просто все любопытно, даже самые простые вещи. Что содержится в капле воды? Однажды я захотел прочитать о ресницах и обнаружил, что в наших ресницах живет целая колония организмов! Для меня это поразительно! Мне интересно все, особенно когда начинаешь изучать мир. Это просто феноменальный объем информации, он изумляет! Я чувствую себя невежей из-за того, сколько не знаю. И чем больше я узнаю, тем невежественнее себя чувствую. Честное слово! Я понимаю, что мне еще учиться и учиться! Поэтому меня тянет в книжные магазины. Я могу часами выбирать книги, и возвращаюсь с целыми коробками покупок. И это одно из замечательных качеств моей матери: мы раньше ходили с ней в книжный магазин и проводили там часы — она разрешала нам брать все, что мы хотели. Она все нам покупала, никогда не отказывала. Мы читали, читали, читали... Я обожаю читать. Это же чудесно, правда? Моя любознательность не знает границ. Нет таких вещей, которые были бы мне неинтересны.

ШБ: Ты сохранил удивительное любопытство ребенка.

МД: Да. Я подбираю что-нибудь, и люди спрашивают: «На что ты там смотришь?» На земле будет валяться листик, и я подниму его и буду изучать. Меня он завораживает. Или разглядываешь внимательно жучка и начинаешь размышлять: какое у него маленькое сердечко и мозг, и мыслит ли он так же, как мы. Мне все это хочется знать. Мне хотелось бы больше понимать. Я хотел бы иметь время на исследование, изучение, познание, вопросы, потому что мир так интересен мне! Некоторые вещи и живые существа поражают меня: например, ты узнаешь, как морской конек рождает детенышей – самец рождает! Или как определенный вид южноамериканских лягушек способен менять пол: самец превращается в самку. Я нахожу это странным, причудливым и невероятным. Я обожаю такие вещи.

ШБ: Как ты считаешь, взрослые так же любознательны, или они во многом теряют это качество?

МД: Многие его теряют. Я не могу смотреть на какой-нибудь процесс, не задав вопроса «почему так происходит?» Ты когда-нибудь видел, как мигрируют птицы – сотнями за раз? Как они двигаются так слаженно? Что это? Телепатия? Почему мы, люди, так не умеем? Это изумляет меня.

ШБ: Так как ты сохранил свою любознательность? Многие люди, когда зарабатывают большие деньги и становятся знаменитыми, уже не такие пытливы, потому что им не нужно так пристально смотреть. Их интересует только как купить самолет побольше.

МД: Мне кажется, некоторые люди любознательнее других. Я думаю, в детстве у нас у всех это качество развито одинаково.

Мне правда так кажется. Но некоторые люди теряют его по пути. Это то, что мне нравится в детях: они все находят захватывающим. Поэтому они много вещей ломают, рвут: они хотят знать, как устроена вещь, а единственный способ узнать – это сломать ее. Они не понимают; они разбирают вещь на части, чтобы изучить ее, а мы ругаемся: «Нет, не делай этого, не трогай!» Мы должны позволять им. Им любопытно! Они хотят увидеть, что внутри.

ШБ: Воспитывая Принса и Пэрис, ты всегда стараешься поощрять их любознательность?

МД: Конечно! Я заставил Принса оторваться от телевизора сегодня по пути сюда, чтобы посмотреть в окно. Он выглянул в окно и стал называть все, что видит. «Что они везут в грузовике?» – «Думаю, овощи и фрукты». – «Зачем?» – «Наверное, чтобы доставить их на рынок. Кто-то их собрал»... У него возникало столько замечательных вопросов обо всем снаружи, и я подумал, как же это здорово. Он задал много хороших вопросов. Но иногда он делает вещи, которые меня откровенно пугают. Например, он сидит, смотрит телевизор, и называет все ракурсы, которые берет оператор, – словно режиссер. Сидит и командует: «Камера приближается для крупного плана. Теперь отъезжает назад. Теперь движется...» Он называет каждый ракурс. Я его этому не учил. Он сидит и проговаривает все это вслух – буквально монтирует фильм. Мне кажется, это поразительно. Понятия не имею, где он этому научился, но его интересуют камеры и кино.

Я купил ему собственную камеру, и теперь он сам снимает фильмы и руководит Пэрис. Он говорит: «Встань тут и пройди вот сюда». У меня есть запись того, как он режиссирует. Мне

кажется, это так мило! Это замечательно. Мать рассказывает, что я тоже этим занимался, когда был маленьким: я ставил танцы и раздавал всем братьям указания, как нужно двигаться. Она смотрела на меня и поражалась, не понимая, где я этого набрался. Я придумывал хореографию, согласованные движения, и она говорит, что была просто изумлена, не зная, откуда я все это умел. Когда меня спрашивают, откуда это берется, я говорю: «Э, приходит сверху и просто реализуется через меня». Я не создаю этого — должен быть канал. Правда.

ШБ: Так значит эта детская любознательность, что у тебя осталась, — ты, в общем-то, над ней не работал? Ты просто веришь, что это божественный дар. Ты чувствуешь благодарность Богу за это?

МД: Это божественный дар, Шмули, так и есть. Когда дар в виде песни или танца приходит мне в голову и оказывается у меня в руках, как у разродившейся Богоматери, я в буквальном смысле становлюсь на колени и говорю спасибо.

Прощение, дружба и преданность

Дети дерутся, но они тут же прощают друг друга

ШБ: Дети дерутся, но они тут же прощают друг друга. Через минуту они уже снова играют вместе. Взрослые же затаивают обиду. Ты учишься у детей умению прощать?

МД: Дети тут же становятся друзьями и тут же прощают друг друга. Это взрослые учат их, как обижаться. «Нет, ты не будешь с ней играть, вспомни, что она сделала недавно! Я не позволю тебе забыть это!» Дети готовы простить немедленно, и я такой же. Иногда взрослые учат нас затаивать обиду, быть угрюмыми и мстительными, ненавидеть, исповедовать расизм и предвзятость — учат всем порокам человечества, живущим в сердцах... живущим в тех местах, где люди бывают, и где они становятся злыми и мстительными. Это привнесенное, влияние среды, это не естественные качества. Мне кажется, дети начинают драки так же, как щенки, которые покусывают друг друга, и это превращается в игру. Он моментально прощает! Таить обиду и ненависть — мне кажется, этому учатся.

ШБ: Мы видим, что дети не такие, значит, что-то в дальнейшей жизни их меняет. Они научили тебя прощению? У тебя ведь был опыт... Ты рассказывал мне, что люди, бывало, плакали, глядя тебе в глаза, а годом позже подавали в суд. Естественно,

через какое-то время прощать становится тяжелее. Дети научили тебя чаще прощать?

МД: Дети научили мне всегда прощать. Люди, как я сказал, становятся озлобленными и мстительными из-за влияния среды. Кто-то шепчет им в ухо: «Этот парень при деньгах. Мы его обработаем. Мы что-нибудь с этого получим» – вот так. И вот тогда люди попадают в беду. Словно Змей шепчет им в ухо: «Да-да-да, мы это сделаем». Но вот тут должен вступить Бог, положительная сторона человека, и сказать: «Нет, правильно поступить вот так. Мы сделаем так-то и так-то». Печально, что люди не могут быть больше похожими на детей. Я не имею в виду глупыми, но по-детски искренними и чистосердечными.

ШБ: Говорят, собака – лучший друг человека, собаки преданны.

МД: Я с этим совершенно не согласен. Это выражение многих довело до беды.

ШБ: Под этими словами имеют в виду, что собаки всегда преданны. А дети преданны?

МД: Мне кажется, дети очень преданны. Мне жаль это говорить, но все зависит от того, как их воспитаешь. Но я думаю, нет никого доверчивее хорошего ребенка. Дети напоминают мне дельфинов по многим причинам. Мне кажется, это дельфины заслуживают звание лучших друзей человека, если речь идет о животных, – не собаки. Дельфины всегда добры.

ШБ: А собаки могут быть злыми?

МД: Очень, они могут напасть на тебя. Я был этому свидетелем. Я видел, как наши собаки пытались напасть на меня, хотя до этого я был исключительно добр к ним.

ШБ: Ты веришь в преданность, я знаю.

МД: Мне нужна преданность. Это очень важно, после всего, через что я прошел.

ШБ: Я об этом и говорю. Как ты все еще веришь в преданность, увидев, как много людей не были верны?

МД: Многие взрослые начинают говорить то, что, как им кажется, люди хотят услышать. Родитель мог воспитать их так и внушить им веру в это. Хороший ребенок этого не сделает. Ты уделяешь ему внимание, и на следующий день он уже висит на тебе с любовью, объятиями и поцелуями, пока родитель не скажет: «Погоди-ка минутку, ты присмотришься к нему! То, что он сделал, — не нормально». Они заставляют ребенка думать, будто некоторые люди — чудные и странные, хотя ничего в них чудного и странного нет. Исключительно из-за ревности — это по голосу их слышно на следующий день. Я видел, как это происходит.

Отдача и великодушие

У меня всегда было желание отдавать и помогать

ШБ: Знаешь, древние равви говорили, что каждый раз, навещая больного, ты забираешь одну шестидесятую его болезни. Но в твоём случае похоже, будто ты забираешь 50 процентов. [Как раз перед этим разговором я привел к Майклу умственно отсталого подростка, и тот буквально расцвел, увидев своего кумира.]

МД: Да, да. Я не люблю видеть, как кто-то болеет или страдает, особенно дети.

ШБ: Ты чувствуешь, что тебе была дарована целительная сила? Или это из-за твоей известности? Ты — большая знаменитость, и поэтому, когда ты уделяешь внимание ребенку, он чувствует себя лучше. Он знает, как ты популярен, и думает: «Вот это да, кому-то настолько известному я небезразличен! Должно быть, я особенный». Но есть ли этот эффект вне твоего статуса знаменитости? Это свойство было у тебя до того, как ты прославился?

МД: По-моему, мне суждено это делать, потому что у меня всегда было желание отдавать и помогать людям, улучшать таким образом их состояние.

ШБ: Но это было в тебе раньше, когда ты был Майклом Джексон-мальчиком?

МД: Да. Если кому-то плохо, кто-то болен, то хочется доставить человеку радость, улучшить его самочувствие, особенно если возможно изменить курс болезни и спасти ему жизнь. Мне

приятно это делать. Я люблю навещать детей в больницах. Что мне не нравится, так это когда взрослые — доктора и медсестры — фотографируются и требуют внимания к себе. Они гораздо хуже детей. Они отбирают у детей все внимание и превращают мой визит в зоопарк. Правда. Я люблю брать младенцев на руки.

ШБ: Я рассказывал тебе историю о Стивене Хокинге, великом физике из Кембриджа — о том, как он любит держать на руках младенцев? Когда я приглашал его выступить в Оксфорде, моя жена только что родила шестого ребенка, и Хокинг настоял на том, чтобы его подержать. Его жена сказала мне, что он обожает младенцев. Она взяла его безжизненные руки и осторожно, с потрясающей любовью обернула их вокруг новорожденного.

МД: Я очень люблю младенцев.

ШБ: Они приносят тебе радость?

МД: Конечно.

ШБ: Расскажи мне о своих отношениях с Матерью Терезой.

МД: Она часто писала мне, длинные письма, и просила приехать в Калькутту с концертом, но я не мог. Трудно было объяснить ей, почему это невозможно. Она говорила о том, что я — подарок Господа, ангел, благодарила меня за все, что я сделал для детей, и рассказывала о том, как тамошние дети меня любят. «Пожалуйста, постарайся найти возможность приехать сюда и дать концерт!» Она просила на полном серьезе. Из-за огромной популярности Дианы Мать Тереза оказалась в ее тени, но на самом деле она сделала гораздо больше работы, чем Диана, и с более широким размахом. Диана была добрым и хорошим человеком, но когда скончалась Мать Тереза, это

событие вызвало не такой большой отклик, какой должно было. [Диана умерла за день до Матери Терезы, и гибель принцессы совершенно затмила уход прижизненной святой.] Мир потерял международное сокровище, но людям хотелось больше говорить о Диане.

ШБ: Значит, даже Мать Тереза видела огромную важность эстрадного искусства и понимала, как оно может воодушевить этих детей?

МД: Задача искусства — забрать людей от повседневного порядка вещей, от хаоса, боли и стресса. Тебя что-то захватывает и увлекает, будь то шоу или... это важно. Нам всем нужно отключаться от реальности, если есть такая возможность.

ШБ: Думаешь, твои дети, Принс и Пэрис, поймут, что ты — любящий отец, который сделал для них все, что смог, даже хотя ты уделял столько внимания другим детям?

МД: Если когда-нибудь они начнут говорить: «А как же мы? Ты всегда убегал, чтобы помочь тому ребенку, сему ребенку...», то я возьму их с собой, и они увидят, почему я это делал. «Вы хотите, чтобы я не обращал на это внимания? Отворачивался, будто не вижу? Вам хотелось бы помочь этому ребенку выжить?» И они ответят: «Да». Они поймут. Мы будем возить игрушки в больницы и приюты, будем заниматься такими вещами. Мне нравится, как Леди Диана приучала своих детей стоять в общей очереди. Есть фотографии, где они стоят в очереди. Это меня очень впечатлило. Принцы Гарри и Уильям стоят в очереди, как все другие люди. Это правильно.

ШБ: Ты почувствовал немедленное родство с ней?

МД: Да, я очень любил ее, всегда.

ШБ: А она отвечала тебе любовью?

МД: Мы поверялись друг другу, в частных беседах. Я очень скучаю по ней. Даже слишком. Да, даже слишком.

Благодарность и признательность

*Я не могу ставить себе в заслугу все, что делаю...
Всегда есть источник выше*

ШБ: Ты не хочешь баловать своих детей, на хочешь, чтобы они принимали вещи как должное. Ты следишь за тем, чтобы они не были избалованы. Даже хотя в Неверлэнде кругом конфеты, ты говорил мне, что им разрешается есть их только в день рождения или когда приезжают особые гости. Ты хочешь, чтобы Принс и Пэрис ценили радости, которые у них есть?

МД: Я хочу, чтобы, когда им что-то дарят, они искренне ценили это и не становились заносчивыми. Даже когда они получают малюсенькие вещи, они с ума сходят от восторга. Люди удивляются: «Вот это да!», ведь это всего лишь мелочь. Людей впечатляет то, что они не избалованы, потому что люди думают, что они получают все. Но я не позволяю им попадать в зависимость от вещей. У меня хранится столько всякой всячины, но мы прячем ее подальше.

ШБ: Значит, детей возможно избаловать, и ты хочешь этого избежать. Например, когда мы были с детьми в Неверлэнде, Грейс [няня] сказала, что не позволит им кататься на больших аттракционах. Она объяснила: «Я хочу, чтобы Принс и Пэрис ценили такую возможность».

МД: Они совсем не часто катаются на аттракционах! Только по особым дням, например, когда твоя семья или какая-то другая

семья приезжает в гости. Я не хочу, чтобы когда-нибудь они почувствовали, что их это больше не впечатляет. Не хочу, чтобы они разочаровались.

ШБ: Ты всегда настаиваешь, чтобы они делились с другими и не относились собственнически к Неверлэнду или игрушкам. Даже когда мы покупаем им подарки, ты говоришь: «Скажите спасибо». Хорошие манеры для тебя очень важны, тебе не все равно, как дети ведут себя.

МД: Да, ведь это отражение взрослых. Это важно.

ШБ: И ты не хочешь, чтобы они собственнически относились к Неверлэнду и игрушкам.

МД: Чтобы говорили: «Это мое, а не твое». Нет, я не хочу, чтобы они когда-нибудь стали такими. Мне было бы так стыдно! Делиться очень важно. Мы разделяем с другими наш дом, впускаем туда публику. Мы приглашаем детей из всех слоев общества, всех национальностей. Они должны это знать. Мы не проводим никаких различий.

ШБ: Ты часто говорил, что тебе хотелось бы отмечать праздники со своей семьей: ужин в Шабат и подобные мероприятия.

МД: О боже, да. Люди должны собираться вместе.

ШБ: Например, для этого нужны дни рождения. Это очень интересное замечание. Ты говоришь, что, по сути, праздники – это в основном площадка для встреч, точка randevu, ситуация, побуждающая людей собраться вместе.

МД: Верно, верно.

ШБ: Для тебя, похоже, по сей день очень важно выразить признательность людям, которые что-то дали тебе в детстве. Особенно Берри Горди, который сделал вас звездами Motown. Ты всегда – даже когда уже ушел из этой фирмы и мог бы о

нем забыть — старался выразить ему признательность, пригласить его на концерты, публично поблагодарить. Так что расскажи мне о благодарности.

МД: Да, я очень стараюсь быть вежливым, испытывать благодарность, выразить признательность тем, кто хорошо ко мне отнесся, кто поддержал меня в тяжелые времена, сильно помог в жизни. Я всегда ценил то, что мне столько раз помогали в пути, когда это было так нужно. Не представляю, как бы я мог забыть проявленную ко мне доброту.

ШБ: И многим людям ты сам помог совершить рывок: как Уэзли Снайпсу, которому ты дал старт в музыкальном видео. Или даже Элтону Джону. Я читал, что он выступал у тебя на разогреве в Ливерпуле или где-то...

МД: Да, до того, как он стал знаменит, он открывал мой концерт для Королевы Англии и несколько подобных выступлений.

ШБ: Как тебе кажется, люди отвечали с такой же благодарностью?

МД: Мне, говорили ли спасибо? Не так, как должны бы. Некоторые да, некоторые нет. Наверное, в будущем они поймут — я надеюсь. Но, знаешь, неважно это.

ШБ: Тебе обидно, когда люди не демонстрируют должной признательности? Я знаю, что мне обидно, когда я помогаю кому-то, а потом человек просто забывает, становится эгоцентричным.

МД: Да, это может задевать.

ШБ: Если говорить о прививании чувства благодарности детям, ты хотел бы, чтобы твои дети были признательны за мелочи так же, как за существенные вещи?

МД: Это очень важно. Это правильно. За все, что делаю я и другие люди, за мельчайшие мелочи, уметь говорить «спасибо» и «пожалуйста».

ШБ: Но обычно, когда человек становится известным и успешным, он забывает о людях у основания лестницы.

МД: Мне этого не понять.

ШБ: Почему ты помнишь о них? Как ты о них помнишь?

МД: Потому что я восприимчив к чувствам и эмоциям людей... и я умею быть благодарным. Не знаю, смог ли бы я добиться того, чего добился, без помощи других людей по пути. Даже тех, кто не представляет, насколько помог мне, я позже благодарил. Даже тех, кто делал что-то вдалеке и не знал, что этим влияет на мою жизнь. Например, писатели и артисты, люди, умершие ранее, когда я был еще младенцем.

ШБ: Ты когда-нибудь звонил кому-либо со словами: «Здравствуйте, я Майкл Джексон. Я просто хочу поблагодарить вас, потому что, сами того не зная, вы изменили мою жизнь»?

МД: Да. От Сэмми [Дэвиса-мл.] и Джеймса Брауна до Джеки Уилсона и Уолта Диснея, за которого я все время молось. Я стараюсь разыскивать их семьи, жен — если остались жены, вдов. Чарли Чаплин: я прихожу на его могилу и молось. Я никогда не был знаком с Чарли, но я иду туда, встаю на колени и молось. Мы [Майкл бросил взгляд на детей] обожаем Чарли Чаплина. Не знаю, был ли бы я таким артистом без Чарли Чаплина, Джеки Уилсона, Сэмми Дэвиса-младшего. Не был бы. Они многому меня научили. О правильном выборе момента, о ритме, о патетике — обо всех этих вещах.

ШБ: И я читал, что ты навещал вдову Чарли Чаплина?

МД: Да, навещал. Я весь сиял.

ШБ: Из-за чувства признательности?

МД: Да. Я должен был сказать спасибо кому-то, кто был близок ему. Я сказал: «Вы не представляете...». Или как получилось с Ширли Темпл. Я поблагодарил ее, и она спросила: «За что?» Я ответил: «За все, что вы сделали. Вы спасли мне жизнь». Она не поняла, и я объяснил ей: во времена, когда мне жизнь была не мила, одного ее существования оказалось достаточно, чтобы придать мне сил.

ШБ: Если говорить о детских качествах, ты думаешь, дети чувствуют благодарность от природы? Ты даешь им что-то, и они ценят это. Они принимают тебя как близкого человека, если ты даришь им маленький подарок. Если с ними поиграешь, они не забудут тебя так, как иногда забывают взрослые?

МД: Я думаю, это нормальное поведение для детей. Родители учат их противоположному, вроде: «Не разговаривай с ним», — быть холодными и жестокими. Но хорошие люди есть. Так что, я думаю, детей надо учить быть любящими, распознавать доброту и настоящее искреннее великодушие. Это важно.

ШБ: Отчасти благодарность — следствие скромности. Ты не боишься признавать, что то, чем ты стал сегодня, — результат вклада многих людей. Вероятно, другие предпочитают высокомерно сказать: «Мой успех — моя собственная заслуга. Я работал в поте лица».

МД: Я никогда так не скажу. Я ответственен за многие из своих достижений, но есть множество людей, которые были рядом и помогали мне в пути. Я не могу ставить себе в заслугу все, что делаю. Не знаю, могу ли я ставить себе в заслугу хоть что-нибудь. Всегда есть источник выше, как будто канал.

ШБ: Бог — превыше всего. Ты всегда благодарен Ему? На Него распространяется твоя признательность?

МД: Ты шутишь? Конечно!

ШБ: Что бы ты назвал величайшим подарком, данным тебе Богом?

МД: Дар любознательности, жизни, любви.

ШБ: Теперь, когда ты стал отцом, ты стал лучше понимать своих родителей?

МД: Боже, я не представляю, как моя мать справилась! У меня двое, а у нее было десять! Не представляю, как ей удалось.

ШБ: Это заставляет тебя сильнее любить и ценить ее?

МД: Да, я теперь плачу о ней чаще. Она была инвалидом, после полиомиелита, и я... я не представляю, как она справилась. Правда, не представляю.

ШБ: Ты чувствуешь настоящую признательность ей?

МД: Да, а она еще и благодарит меня, Шмули! Она все время благодарит меня. Постоянно говорит: «Спасибо тебе за все, что ты для меня сделал». Я отвечаю: «Мама, о чем ты? Посмотри, что ты сделала для меня! Не благодари меня. Это тебе спасибо!»

Надежда и Бог

[Дети] – послание Бога о том, что есть надежда, есть такая вещь, как человечность

ШБ: Библия учит, что и мужчины и женщины созданы по образу Господа, что все они — дети Господа. Но ты говоришь, это лишь вера. Глядя на мужчин и женщин, я должен верить, что в них есть божественная искра. Это вопрос веры. Но в случае детей это не вера. Ты это видишь. Значит, с возрастом это ощущение того, что мы — часть Бога, как-то теряется. Любя детей, ты способен любить Бога.

МД: Любя детей, я способен видеть Бога. Я вижу Бога через детей. Если бы не дети, я бы не понимал, что такое Бог, каков Он, что бы там ни говорила Библия, хотя я люблю Библию. Но дети — это свидетельство. Можно говорить и писать все, что угодно, но я вижу это. О, как же ясно я это вижу!

Дети — в моем представлении — воплощают чистейшую квинтэссенцию искренности, любви и Бога. Для меня они — послание Бога о том, что есть надежда, есть такая вещь, как человечность. Будьте как дети, будьте просты как они, будьте милы, великодушны, невинны. Это видно по глазам — я всегда вижу это во взгляде. Когда смотришь в глаза ребенку, видишь лишь чистейшее простодушие, и это напоминает мне о том, что нужно быть проще, добрее, быть хорошим человеком. Не хочу, чтобы это прозвучало странно, но я на самом деле верю, что дети и есть Бог. Я думаю, что они — чистейшая форма творения Господа. Когда в комнату ступает ребенок, он меня

полностью меняет. Я чувствую их энергию, их присутствие, их дух. Мы должны помнить о том, как легко взрослым, родителям отмахнуться от них, не обращать на них внимания. Мне кажется, они могли бы столько всего сказать, а мы не слушаем, не чувствуем. Трудно описать словами.

ШБ: Что происходит, когда они вырастают? Они теряют эти особые качества, становясь взрослыми, или сохраняют их? И ты сам чувствуешь, что тебе эти качества доступнее, когда ты в окружении детей?

МД: Мне кажется, влияет общество и просто жизнь в мире, узнавание о том, каким человеком считается правильно быть, как поступать... стереотипирование — как-то так. Оно меняет людей. Через такие средства, как СМИ, телевидение, кино и радио, мы учимся и видим, что следует делать и кем становиться. Но мне кажется, если мы не упустим волшебство, не упустим того ребенка, который все еще живет внутри нас с тобой, — это величайшее чудо на свете. Правда. Правда-правда. Для меня с этим ничто не сравнится, и оттуда я черпаю силы. Все, что я создал, все мое творчество и весь мой талант, что был мне дарован, — все это вдохновлено детьми и ничем иным. Каждая песня, что я написал, от «Billie Jean» и «Beat It» до «Heal the World» и «We Are the World», — от детей. И когда я чувствую себя как слепец — что иногда случается в творчестве, — я приглашаю в гости пару детишек или сам иду к детям, и они дают мне ощущение бесконечной свободы. Я все могу! Мой творческий потенциал на самом деле не имеет границ, и он полностью вдохновлен ими и Богом. Они и Бог — одно и то же.

ШБ: То есть ты видишь их как часть... как Божью искру здесь, на земле?

МД: Клянусь, так и есть! Для меня нет ничего чище и одухотвореннее, чем дети, и без них я не могу жить. Если бы ты мне сейчас сказал: «Майкл, ты никогда больше не увидишь ни одного ребенка», я покончил бы с собой. Клянусь тебе, покончил бы, потому что мне больше не для чего жить. Дети — это все. Честно. Они спасают меня каждую секунду моей жизни. Мать знает. Я бы намылил веревку в одно мгновение, но благодаря им, детям, я держусь, потому что они показывают мне любовь, и я чувствую, будто Бог говорит: «Все будет хорошо». Как бывает когда все небо затянуто черными тучами, и ты видишь маленький кусочек голубого неба, Бог будто говорит тебе: «Все наладится».

ШБ: Если тебе плохо или что-то тебя угнетает, и ты видишь ребенка, Бог как будто говорит тебе этим: «Не волнуйся».

МД: Именно так и есть, Шмули! Ты все сказал! И каждый раз, когда я чувствовал, что все, это край, где-нибудь появлялся какой-нибудь ребенок. Ровно тогда, когда я чувствую, что больше не выдержу, и мне хочется просто умереть, без шуток, — бах! — меня как громом поражает, и я становлюсь на колени и благодарю Бога. Благодарю, Шмули. Вот почему я в это верю. На полном серьезе верю. Элизабет [Тейлор] знает. Она говорит: «Ты любишь детей так же, как я люблю бриллианты».

ШБ: Великолепная цитата. Но для тебя они драгоценнее бриллиантов?

МД: Гораздо драгоценнее бриллиантов! Бриллианты не приносят мне радости. Они блестящие, красивые, да. Но это всего лишь

безддушная вещь. С бриллиантом не поговоришь. Ему не выразишь эмоцию. Дети же — это целый мир.

ШБ: Если ты поедешь в Освенцим...

МД: Я был там, когда был маленьким.

ШБ: Там тебя проводят через весь музей, и в конце просто ужасающей экспозиции есть стенд, показывающий двух девочек, прыгающих через скакалку. Мысль в том, что даже после ужасов Холокоста сегодня все еще есть дети, играющие на детских площадках. Все еще светит солнце. Все еще есть надежда. Какой бы беспросветной ни казалась ситуация, ребенок все еще играет, верно?

МД: Да.

ШБ: А это значит, что все наладится.

МД: О детях сделают потрясающие открытия не только в этом столетии — в этом десятилетии, я уверен. Узнают то, чего не видели все это время: удивительные вещи о детском сознании и о том, какие они потрясающе изумительные. Богоподобные. Я в этом совершенно уверен. Люди откроют дверь в настоящее великолепие... Общественный взгляд на детей изменится. Я никогда не разговаривал с Принсом и Пэрис снисходительно. Я никогда этого не делаю, потому что они потрясающие. Я просто не могу с ними так говорить: они *гораздо* умнее, чем мы думаем. Все это сюсюканье уйдет. Не будет больше «агу-агу». Они очень умные, они понимают как интеллектуалы все, что мы говорим. Они *гораздо* сообразительнее, чем можно себе представить. Они пребывают в альфа-состоянии и понимают подсознательное. *Мы* не понимаем. Это мы на самом деле не понимаем, кто мы такие.

ШБ: Они рождаются с каким-то знанием?

МД: С огромным знанием! Я думаю, они знают многое из того, что нам еще предстоит понять. *Они и есть* мироздание. На самом деле. Большинство людей этого не понимает.

ШБ: Ты думаешь, что был рожден с особой восприимчивостью к детям?

МД: Не могу сказать, каким я был в младенчестве, но мать всегда рассказывала, что дети вечно приходили к нашей двери, спрашивая, можно ли увидеть Майкла. Можно ли со мной поиграть. Это когда я был еще совсем маленьким. Никаким не знаменитым, просто малышом двух-трех лет. Я ничего специально в себе не развивал. Меня просто тревожит то, что люди постоянно отмахиваются от детей. Они не уделяют внимания детям, говорят: «Сядь и помолчи!» Я знаю, что дети чувствуют, я понимаю их чувства. Если они, не дай бог, больны, это еще хуже. Они — радость этого мира. Трудно выразить словами... это такая особая тема для меня.

ШБ: Как безграничное присутствие Господа, которое нельзя объяснить. В детях нет препятствий для течения божественной энергии.

МД: Я думаю, Господь говорит с нами через детей. Я правда так думаю.

ШБ: Тебе известно, что так считали и древние равви? В Талмуде 2000 лет назад они написали, что через детей выражается пророчество.

МД: Правда? Так и есть. Я прекрасно это вижу!

ШБ: Значит, дети никогда не наскучивают тебе?

МД: Нет, с ними мне никогда не скучно. Мне бывает скучно к концу дня, например, но с ними — нет, никогда.

ШБ: На развитии Принса и Пэрис сказалось позитивно то, что ты разговариваешь с ними, как с равными?

МД: Говоря с детьми снисходительно, ты определяешь тот уровень, на котором они с тобой общаются. Говори с ними на более высоком уровне, и они примут ваши отношения на этом уровне. Какой бы уровень ты ни выбрал, они его примут — и это точно. Ты сможешь общаться с ними именно на этом уровне. Ты задаешь стандарт, так как они открыты ко всему и обладают огромным потенциалом. Они как бы говорят: «Как скажешь, я на все согласен», — потому что они такие умные и моментально схватывают. Это правда.

Юмор, игры и смех

Дай себе волю и будь свободен душой

ШБ: До какой степени в твоей жизни важен юмор? Вы с [близким другом] Фрэнком [Касио] постоянно кидаетесь чем-нибудь, ты шутишь, дурачишься, смеешься вслух. Насколько юмор важен для детей? И насколько он важен для взрослых в их стремлении стать более непосредственными?

МД: Я лично считаю, что это одно из наиважнейших качеств, потому что, имея чувство юмора, ты можешь играть, дать себе волю и быть свободным душой. А это часть детской непосредственности. Кто-то при этом может смотреть на тебя как на идиота: «Веди себя прилично!» Но это же весело. Играть нужно. Я люблю игры.

ШБ: Юмор помогает тебе справиться с давлением в твоей жизни? Если предстоит большой концерт, ты можешь подурачиться с членами группы или с близкими людьми вроде Фрэнка.

МД: Знаешь, лучшее для меня перед концертом — это пригласить пару детишек за кулисы, встретиться с ними, пожать им руки, обнять их. Когда мы играем «Heal the World», на сцену выходят дети, одетые в национальные костюмы, и, взявшись за руки, выстраиваются вокруг гигантского глобуса. Чтобы они чувствовали себя свободно в моем присутствии, я знакомлюсь с ними перед концертом. Чтобы они узнали меня хоть немного и потом на сцене не уставились в изумлении: «О, боже мой, это Майкл Джексон!» И этих нескольких минут с ними за кулисами достаточно, чтобы я почувствовал, что готов выйти и

покорить мир. Это то горючее, та энергия, что нужна мне, чтобы сделать концерт незабываемым. Толпа топает ногами – вот так. Они требуют начала шоу. Это огромная энергия! Иногда ее нужно прочувствовать за кулисами. Заглядываешь украдкой и видишь море лиц, больше ста тысяч людей: они скандируют, пускают по залу волну, и ты восклицаешь: «О, боже, боже, я обожаю это! *Обожаю!*»

ШБ: Почему тебе комфортнее перед большими скоплениями людей, нежели перед малой аудиторией?

МД: Потому что там я был рожден. Я был рожден на сцене, выступая. Это неотъемлемая часть меня. Быть среди толпы, среди людей, развлекать их – вот что для меня комфортно. Когда масштабы меньше, я становлюсь немного застенчивым. Начинаю чувствовать: «Ой, вы на меня смотрите!» Мне трудно это побороть. Я ощущаю себя немного не в своей тарелке.

ШБ: Возможно, дело в том, что на многочисленную публику ты оказываешь определенное воздействие, а в небольшой толпе они смотрят на тебя, и ты не понимаешь: «Чего они хотят?»

МД: Когда я выступаю, я... контролирую ситуацию. Я увожу их туда, куда хочу увести, я – штурман. А когда я не в этой роли, мне немного неловко, вроде: «На что это вы смотрите? Что вы на меня уставились?» Я стесняюсь.

ШБ: Дети любят смеяться?

МД: Наверняка в следующем столетии мы откроем, что в смехе есть нечто действительно волшебное. Когда я подавлен, расстроен или без сил, я заставляю себя смеяться, пытаюсь подумать о чем-нибудь забавном, и мне становится лучше. Я думаю, в душе происходит какая-то химическая реакция. Я правда начинаю чувствовать себя лучше, поэтому заставляю

себя улыбаться. Наверное, просто сама улыбка, движение лицевых мышц, воздействует на что-то, отчего на душе становится легче. Я видел, как впервые улыбнулся Принс. Мой кузен, бывший с нами, издавал забавные звуки, и Принс улыбнулся. Это была самая трогательная вещь на свете – видеть, как мой сын улыбается! Он тогда только прибыл из больницы, ему было два дня. Я даже прослезился: он так мило отвечал, между ними установился контакт. Это было чудесно! Боже, как же я обожаю смеяться!

ШБ: Ты не знал той свободы, что была у большинства детей. У тебя не было такой свободы. Ты чувствуешь себя свободнее, когда смеешься?

МД: Да, я чувствую свободу. Я чувствую себя так, будто начинаю быть нормальным. Я люблю играть. Даже хотя я очень серьезен, когда работаю, – очень, очень серьезен, – но я постоянно играю. И ничего не могу с собой поделаться! У меня есть всевозможные игрушки и водяные пистолеты... Для меня один из способов справиться с проблемами – это играть и лазать по деревьям. Я обожаю лазать по деревьям.

ШБ: У тебя в Неверлэнде есть домик на дереве.

МД: Да, у воды. Я люблю слушать воду, это настоящая терапия для меня. Я постоянно забираюсь туда и творю: пишу песни там, наверху.

ШБ: Твои работники в Неверлэнде знают, когда ты там?

МД: Иногда они видят, как я туда забираюсь. А иногда, когда меня нигде не найти, догадываются: «Он, должно быть, залез на дерево». И кричат дереву вверх: «Вам звонят!» Мне приходится спускаться. Мне даже предлагали телефон туда

провести. Я отвечаю: «Не хочу я телефон на дереве! Это мой шанс отдохнуть от телефонов».

ШБ: Что по-настоящему смешит тебя? Дети смешат тебя больше, чем взрослые?

МД Принсу [который рядом с нами]: Принс, что смешит папу?

Принс: «Three Stooges»*.

МД: Он прав, я их обожаю. Толстяка особенно... я смеюсь просто до упаду! «Three Stooges» всегда со мной, куда бы я ни поехал. Это мой рецепт счастья. Я смотрю их всю жизнь.

ШБ: А что тебя в них привлекает? То, что они могут, вроде как, обижать друг друга, но никому не больно, а только смешно?

МД: Ага, Керли – просто убойный! Помнишь Керли-толстяка, Принс? [Принс начинает прыгать вокруг, изображая Керли.] Да, он тоже их любит. Я обожаю их!

ШБ: Над ними ты искренне смеешься?

МД: Да, до упаду! До упаду. Я вожу «The Three Stooges» с собой, куда бы ни поехал. Это мой рецепт счастья. Я их просто обожаю. Смотрю их всю жизнь.

ШБ: Лучшими комедиями ты считаешь такие, как «Three Stooges»?

МД: Я обожаю «Three Stooges»! С ума по ним схожу. Вот это качество мне нравится в детях: они постоянно смеются. Они всегда найдут повод посмеяться, они пребывают в постоянном блаженстве. Дети напоминают нам о том, чтобы оставаться счастливыми. Держись, будь счастлив, будь как они.

* «The Three Stooges» – американское юмористическое шоу первой половины 20-го века.

Воображение

Наши умы создают наш мир

ШБ: Значит, наши тела имеют ограниченные возможности, но воображение, разум не имеет границ. И как только мы искусственно закрываем его, мы перестаем быть безграничными.

МД: Да, наши умы создают наш мир. Наши мыслительные процессы определяют то, что мы получим в жизни и чем станем. Мы просто забываем об этом. То есть, я не говорю, что мы просто забываем. Мы созданы по Его образу, а если ты создан по чьему-то образу, это как смотреться в зеркало. Разве ты — не часть отражения?

ШБ: Но люди забывают об этом. Воображение помогает нам вспоминать об этом? Не напоминает ли само свойство безграничности воображения о нашей божественной природе?

МД: Верно. Поскольку воображение беспредельно, мы можем переместиться куда угодно, делать что угодно, стать чем угодно, быть чем угодно, видеть что угодно, в любое время, когда захотим. Это очень могущественное средство. Но и очень опасное средство.

Знаешь, все великие вещи берут свое начало в детстве. Тебе известно, что братья Райт мечтали о полетах, когда были детьми? Разве Эдисон начал изобретать, не когда еще был мальчишкой? А Линкольн разве не мечтал стать великим юристом или президентом, когда был ребенком? Спилберг

начал снимать свои фильмы в восемь или девять лет, и уже мечтал стать большим голливудским режиссером. Все начиналось в этом детском воображении, в безграничном воображении. У детей величайшая фантазия. Для них еще нет ничего невозможного. То, к чему мы только сейчас приходим в обществе, к чему подходит поп-культура и звезды, наши дети придумали уже много лет назад.

Режиссеры, такие как Спилберг и Лукас, просто общаются с детьми и черпают у них идеи. [Они спрашивают ребенка:] «Кто ты сейчас?» — «Я гигантский монстр, и меня пытаются поймать...» Дети это видят, для них это реально. Даже их воображаемый мир реален. Если ты наступишь на их воображаемого друга, они заплачут: «Ты убил моего друга! Как ты мог?» Они создали этот реальный мир, и войти с ними в этот мир, стать его частью — это величайшее волшебство на свете. Я люблю этот мир, я в нем живу. А взрослые теряют его. Он стал моим прибежищем, моим укрытием — этот мир, где они живут. Я ненавижу говорить «мы». Я не хочу быть как взрослые — они в конце концов забывают. Возвращаться туда — значит вновь обретать рай.

ШБ: Мир фантазии важен потому, что важно представлять то, чего не бывает? Или он важен потому, что если мы вообразим нечто, то сможем воплотить это в жизнь? Другими словами, воображение важно только потому, что оно может влиять на реальный мир, или его важно иметь даже безотносительно реального мира?

МД: Я думаю, воображение важно для внутреннего мира и души. Оно важно для мозга. Этим Бог говорит нам: мы вмещаем в себя все на свете. Мы — мироздание.

ШБ: Тебе скучно с людьми, лишенными воображения?

МД: Да. У меня душа за них болит, потому что они не осознают, кто они такие. Это как взять компьютер без инструкции и жать случайные клавиши со словами: «Мне скучно, я не знаю, что с ним делать». К нам при рождении не прилагаются инструкции, а мы гораздо удивительнее, чем компьютер! Мы рождаемся без инструкций. Мы не знаем, что эта штука обладает невероятными возможностями, но вместе с тем и опасна.

ШБ: Большинство взрослых скажет, что им нравится проводить время с собственными детьми, но в обществе чужих детей они быть не хотят. Они хотят общаться с другими взрослыми: «Мне интересно поговорить о футболе, о политике». А ты говоришь, что это взрослые темы скучны. Когда я нахожусь в обществе детей, я чувствую экспансивность их мира. Он не стеснен, в отличие от мира взрослого. Мир взрослого человека слишком ограничен. Мне больше по нраву большой мир, мир ребенка. Во взрослом мире чувствуешь себя связанным, потому что там нет места фантазии. Чувствуешь себя как в тюрьме.

МД: Взрослые с развитым воображением — наиболее непосредственные. Спилберг, Лукас, [Фрэнсис Форд] Коппола и подобные творческие люди — если пообщаться с ними, они как дети, я знаю. Они все считают себя Питерами Пэнами.

ШБ: У них есть полет фантазии. Они отказываются принимать то, что сделать невозможно.

МД: Мне до сих пор снятся сны о том, что я умею летать. И я просыпаюсь с досадой, потому что во сне мне казалось, что я лечу: я знал, что это возможно, и был уверен, что на самом деле парю над землей.

ШБ: Но даже в состоянии бодрствования ты можешь летать в воображении. Вроде бы это Эйнштейн сказал, что мы используем лишь 5 процентов своего мозга, а остальные 95 остаются неразвитыми. Знаешь, Стив Джобс, придумавший компьютер Apple, позже изобрел еще один компьютер под названием Next, лет десять назад. Я пользовался им – потрясающая машина. Она на десять лет опережала конкурентов, и никто не понимал, как он ее создал. Его друга спросили: «Как он придумывает подобные инновации?» Друг ответил: «Просто все его конкуренты ходили в колледж и изучали инженерное дело. Они знают, что возможно сделать. А Стив бросил колледж, поэтому не знает, чего сделать нельзя». Знание может ограничивать.

МД: Он словно маленький ребенок!

Ревность, зависть и восхищение

*Никакой зависти... только восхищение...
Только вдохновение, никакой зависти*

МД: Ты веришь в историю о Райском Саде?

ШБ: Да.

МД: И веришь, что Авель был хорошим сыном, а Каин — плохим сыном? Откуда он научился злу?

ШБ: Злом было вожделение. Каин считал, что его брат сильнее любим Богом, что брат дороже Создателю, чем он сам. И вместо того, чтобы возвыситься и стать лучше, он выбрал более легкий выход и избавился от конкуренции. Ты однажды рассказывал мне о своем брате. Вы любили друг друга, а потом ты вдруг стал очень успешен, а его карьера шла не так хорошо. И у него был выбор. Он мог сказать: «У Господа есть план, и Майкл — часть божественного плана. Его роль — вдохновлять людей музыкой и искусством. Вероятно, мне тоже есть место в этом плане, поэтому я не буду ревновать. Я найду свое место. Я очень рад за Майкла. Успех Майкла вдохновляет меня искать мое место, пытаться понять, в чем я хорош и какой вклад могу внести». Или же, вместо этого, брат мог решить: «Нет! Я хочу иметь то, что имеет он». Вместо того чтобы сказать: «Я сделаю что-то сам и стану любим Богом», он может сосредоточиться на том, что принадлежит другому.

В этом заключается разница между ревностью и завистью.

Ревность — не плохая вещь. Мы считаем ревность плохой эмоцией, но это не так. Если Принс назовет папой кого-то другого, тебя это заденет, потому что он твой сын. У тебя есть законное право чувствовать ревность в таких случаях. У тебя есть право быть для него единственным, ведь он твой ребенок. Точно так же, если бы ты дарил другим детям больше любви, чем даришь Пэрис, она бы чувствовала обиду, потому что ты — ее папа. Ревность — не плохое чувство. Это способ заявить требование на то, что по праву принадлежит тебе.

Проблемой является не ревность, а зависть. Зависть заставляет тебя хотеть то, что принадлежит другому. Ревность побуждает нас рьяно охранять целостность наших отношений. Зависть же заставляет желать чужую собственность или чужие отношения, жить, вождедея к тому, что принадлежит не нам.

Ты часто говоришь, что многие нападки, с которыми тебе пришлось столкнуться, были вызваны ревностью. Это особенность взрослого мира? Дети никогда не проявляют ревности? Принс и Пэрис не ревнуют, если ты слишком много внимания уделяешь другому ребенку?

МД: Принс знает, как я отношусь к другим детям, знает, как сильно я люблю детей. Он написал мне письмо со словами: «Мальш? Покажи, где мальш?», потому что я всегда называю их «мальшами» и он знает, как я к ним отношусь.

ШБ: Бывало ли такое, что ребенок, попав в Неверлэнд, говорил: «Это нечестно! Посмотрите, сколько всего есть у Принса и Пэрис! У них собственный парк аттракционов!» Когда ты приводишь детей в Неверлэнд, они никогда не говорят Принсу и Пэрис: «Взгляните на свою жизнь! У нас такого нет»? Ты же был жертвой ревности на протяжении всей жизни.

МД: Серьезно. Ох, это трудный вопрос.

ШБ: Ты наверняка видел ревность в отношении детей к тебе.

МД: О да!

ШБ: Если ты уделяешь слишком много внимания одному...

МД: Я – прекрасный пример в этом вопросе, потому что видел, как им хочется сказать: «Я сижу рядом с ним!» – «Нет, я! Прочь с дороги!» Это происходит постоянно! Не знаю, родители ли их этому учат... Мне кажется, если я уделяю каким-то детям много внимания, мы проводим время вместе, как одна семья, и они постоянно наедине со мной – вся эта семья, то если потом приезжает другая семья с другими детьми, первые начинают чувствовать, будто их вытесняют. Я объясняю им, что такого не может произойти. Ко всем нужно относиться с любовью и добротой. После того, как я им это объясню, они успокаиваются.

ШБ: Ты, по сути, говоришь, что дети могут излечиться от ревности, если им объяснить: «Все в порядке, я все еще твой друг. Я люблю тебя и хочу быть с тобой рядом».

МД: Дети могут приревновать. Но если ты объяснишь, как обстоит дело, они – как чистая грифельная доска. Их можно сформировать и воспитать такими, какими ты хочешь их видеть.

ШБ: То есть играют роль и природа, и воспитание? У детей есть определенные природные качества, но ты можешь повлиять на них, укрепляя хорошие манеры?

МД: Возьми тех же двух ребят из школы Колумбайн*. Если бы их вырастил я, это были бы два совсем других ребенка. Не произошло бы ничего того, что случилось с ними позже в жизни, потому что если воспитывать, выявлять лучшие из черт, которыми Бог наделил их, позволять этим чертам вырисоваться и принять форму, подобного просто не может произойти. Если бы я смотрел на этих мальчиков, говорил им «я люблю вас», проводил с ними время, обнимал их, целовал в макушку и в щеку — ни за что. Им не дарили внимание, тепло и любовь. Их родители отсутствовали, занимаясь своими делами. Ни за что бы такого не случилось! Я думаю, что все мы — продукты среды и воспитания, и нужно выявлять в нас лучшее, вместо того, чтобы поощрять жуткие качества.

ШБ: Но это будет означать, Майкл, что в детях есть не только абсолютное добро, но и потенциал для зла.

МД: Потенциал есть. Да, есть.

ШБ: Работа родителя не в том, чтобы учить ребенка добру, но в том, чтобы взрастить это добро, как цветок из земли. Потенциал для роста имеется, нужно только обеспечить воду и уход?

МД: Верно. Я в это очень верю. Я не верю, что существуют дурные семена.

ШБ: И ты не помнишь, чтобы хоть кого-нибудь считал плохим?

* Ссылается на случай [массового убийства в школе Колумбайн](#), совершенного подростками Эриком Харрисом и Диланом Клиболдом.

МД: Нет. Отец Фланаган, основавший организацию Boys Town*, в Небраске, кажется, говорил: «Не бывает плохих мальчиков или девочек». Я тоже так считаю. При наличии любви, заботы и правильного [воспитания]...

ШБ: Но если у них нет этого руководства, то плохие качества проявляются, дети начинают испытывать чувство зависти. Они неимущие, никому не нужные.

МД: Ну что случилось с хорошим ребенком, который был примерным сыном, а потом вдруг сбился с пути и в итоге попал в тюрьму? Он встретил дурного друга, дурное влияние. Это легко может произойти.

ШБ: Ты постараешься оградить Принса и Пэрис от дурного влияния и от детей, которые, как тебе кажется, могут дурно на них повлиять?

МД: Обязательно. Дети могут подвергнуться влиянию другого дурного ребенка или родителя, дурного воспитания.

ШБ: А ревность не играет роли в твоей жизни? Ты никогда за свою карьеру не ревновал, не завидовал кому-то, кто заставил тебя работать усерднее?

МД: Никакой зависти! Восхищение, только восхищение.

ШБ: Значит, восхищение плодотворнее зависти, потому что это позитивная эмоция, а не негативная. Глядя на Фреда Астера, ты говоришь: «Я хочу научиться делать так же».

МД: Да, именно так. Только вдохновение, никакой зависти. Это неправильно, но ведь люди такие, Шмули, да? Правда? Разве

* Boys Town — лагерь помощи трудным подросткам в Небраске, известный прогрессивными методиками работы с семьями и молодежью.

не бывает так, что они смотрят на кого-то великого и начинают по-черному ему завидовать?

ШБ: Конечно, но тебе это незнакомо?

МД: Я не понимаю людей, которые на это способны.

ШБ: Для тебя это всегда вдохновение? Люди с великим талантом вызывают у тебя изумление и трепет?

МД: А может человек завидовать Богу?

ШБ: Конечно. Посмотри на Сталина или Гитлера. Каждый из них пытался стать Богом. Они хотели править жизнью и смертью.

МД: Надо же...

ШБ: Потому что они утратили чувство удивления и трепета. Бог не впечатлял их, он был для них угрозой. Они хотели стать всемогущими, чтобы не подчиняться власти Господа. Они стали врагами Господа.

Радость

Дети приходят в мир, зная настоящее блаженство

ШБ: Взрослые могут научиться у детей радости?

МД: Дети приходят в мир, зная настоящее блаженство. Это видно по их улыбке, по свету в их глазах. Когда ребенок входит в комнату, чувствуется, как он сияет, — я это чувствую. Мне хочется кричать об этом! Перед каждым концертом ко мне приводят детей. Я должен увидеть их перед тем, как выходить на сцену, и моя охрана это знает. Для меня они — как укол витамина В12. Вот теперь я готов покорять мир. Мне только что напомнили, ради чего все. Они впрыснули мне эту энергию. Правда. Я все свои альбомы написал для детей, это мой ответный подарок им. Спасибо, спасибо, спасибо вам! Все — для них. Они — самая большая радость!

ШБ: Большинство детей счастливы, но многие взрослые несчастны. Какой урок дети могут преподнести нам о радости? Верно ли, что раз они счастливы, мы должны быть счастливы, или же они радуются практически без повода? Им не нужна причина для счастья. Они постоянно играют. Для них счастье не в имуществе или славе, они счастливы просто так. Перед концертом ты хочешь, чтобы твое шоу для поклонников получилось хорошим. Ты — звезда, и тебе хочется хорошо выступить. Встречаясь с детьми, ты как бы говоришь себе: «Я не собираюсь ни на кого производить впечатление. Дети радостны, и я буду радостен, просто так»? При этом ты меньше беспокоишься о том, как тебя оценят? Не является ли

это одной из составляющих радости: детям хорошо, потому что им не нужно ничего доказывать? Взрослые же чувствуют на себе давление. Ты живешь под феноменальным давлением. Это лишает тебя радости?

МД: Ну, у детей нет обязанностей, обстоятельств и всего того, с чем нам приходится иметь дело и о чем нужно думать. Дети просто свободны. Они как оленята, которым говоришь: «Беги!» Мать говорит: «Давай, беги в лес! Беги!», и он бежит, и видит деревья, и небо, и облака, и бабочку... Они хотят просто играть, и мир развлечений их захватывает. Их бог — веселье. Они поклоняются веселью. И вот их день — это чистый лист, и есть выбор из стольких разных занятий! Они всегда пребывают в таком состоянии. Мир для них завернут в подарочную упаковку: все ново и интересно, и они знают, что все это ждет их впереди — всевозможные развлечения, чудесная фантастическая миссия. Почему они теряют это ощущение потом? Почему оно уходит? Ты же чувствовал это, ты помнишь, как это было. Ты можешь туда вернуться?

ШБ: Единственный раз, когда я снова почувствовал себя так, это когда мы с тобой смотрели «Историю игрушек» в День благодарения, и еще в Неверлэнде, когда мы ходили к дереву в то утро. Тогда мы забрались наверх и провели там целый час, просто отдыхая. И, должен сказать, у меня появилось чувство свободы: двое взрослых мужчин тусуются в домике на дереве. Мне запомнился тот день.

МД: Разве не чудесно? Все должны испытывать подобное и никогда не чувствовать себя слишком взрослыми для лазанья по деревьям.

ШБ: Это тоже составляющая детского счастья — быть ближе к природе? Привязываясь к искусственным вещам, мы не чувствуем такой радости?

МД: Верно. Ребенок может поднять с земли листик и зачарованно изучать его, или рассматривать крылья бабочки. Взрослый скажет: «Это всего лишь бабочка», но нет же! Это чудо! Это эволюция природы, и ты можешь проследить, как она происходит. Дети правы: это изумительно! То, как крылья отражают солнечный свет и цвета, и что все это значит и как началось.

Меня завораживает все. Начиная с капельки воды, в которой может жить целое разнообразие видов и все они удивительны! То же, что происходит в мире, происходит и в капле воды. Это все — чудо, и поразительно, как наши чувства никогда не притупляются и нам не надоедает находить любопытные вещи в мире и знать, что перед нами еще столько всего интересного!

Вот что так необыкновенно сейчас! Взрослые изучают компьютеры и интернет, и только-только с удивлением узнают, каково это, когда весь мир в твоём распоряжении: «О, с этой штукой я могу отправиться куда угодно и делать что угодно!» Но дети чувствуют себя так ежедневно без компьютера! Они просыпаются с этим ощущением с утра, даже с более сильным. Куда бы я ни захотел отправиться, я могу это сделать. Это классно! Вот такое у детей мироощущение. Вот такой восторг.

Любовь и руководство

Любви не бывает слишком много

ШБ: Одно из самых сильных твоих высказываний — это «все знания претворяются знанием о том, что ты любим». Кем бы человек ни был и откуда бы ни происходил, ему важно знать, что он любим. Ты сказал, что для исцеления мира важнее всего в первую очередь дарить детям безусловную любовь.

МД: Безусловная любовь — это все, что у тебя есть. Любви не может быть слишком много, никогда не может быть. Это чудесная вещь.

ШБ: Крупные исследования показывают, что у детей, не знавших ласковых прикосновений, на всю жизнь остаются эмоциональные шрамы. Даже если ты пережил Холокост, твое тело в конце концов излечится. [Я привел этот пример, потому что только что представил Майкла Эли Визелю, лауреату Нобелевской премии, пережившему Холокост.] Но если ты не знал любви, ты никогда не оправившись. Ты будешь циничным, даже став старше, останешься недоверчивым.

Зная, как ты любишь своих детей и заботаешься о них, как бы ты описал идеальные отношения родителей и детей?

МД: М-м... уважение, честность. Нет, любовь нужно поставить вперед: любовь, уважение и честность. Полная открытость во всем. Это в наилучшем приближении к идеалу.

ШБ: Когда ты растишь Принса и Пэрис, твое отношение к ним базируется на этих трех принципах: любовь, уважение и честность? Ты никогда не лжешь им? Даже не искажаешь

правду?... Знаешь, один из величайших раввинов Равви Менахем Шнеерсон, мой духовный учитель, всегда говорил: «Солжешь детям однажды — и они никогда больше не поверят тебе».

Но как же тогда дисциплинировать детей? Дети рождаются с потенциалом к добру, но родители должны передать им определенные ценности. Без любящего, но при этом строгого родителя этого никогда не получится, потому что ребенок должен знать, что означает слово «нет». Некоторые вещи им делать нельзя.

МД: Нужно дисциплинировать их без гнева. Это первое правило, о котором я сказал бы любому родителю. Если разозлишься, если сделаешь ребенку больно, потом ты спросишь себя: «Что я сотворил?»

Если Принс или Пэрис капризничают или плохо себя ведут, я забираю у них что-нибудь, и это ужасно их расстраивает. Но дисциплинировать их нужно. Я спрашивал Элизабет [Тейлор], какое самое суровое наказание она применяла. Она сказала, что говорит с детьми резко и, если они сделали что-то очень плохое, «кладу к себе на колени и даю смачный удар по попе». Я не могу так. Если бы я ударил ребенка и он заплакал, это бы меня убило — мысль, что он плачет от боли, которую причинил ему я. Я против того, чтобы бить детей. Даже хотя в школе некоторым детям сходят с рук ругательства в адрес учителя. Что-то делать нужно, но только не бить. Я не смог бы ударить. Но я могу видеть, как они плачут, потому что им нужно идти становиться в угол, — а именно туда их отправляют за плохое поведение.

ШБ: Один из твоих основных родительских принципов — это чтобы дети никогда тебя не боялись.

МД: Никогда. Я думаю, каждому родителю, прежде чем наказывать ребенка, следует остановиться на секунду, сделать глубокий вдох, произнести про себя молитву. И после этого отчитать ребенка как можно более нежно. Не делайте этого с гневом. Если вы сделаете это со злостью, вы пожалеете, позже вам станет очень больно. Это неправильный подход.

ШБ: Ты чувствуешь, что на тебе в детстве без необходимости срывали гнев?

МД: Да. Угу, безусловно. Моя самая большая мечта — чтобы однажды Принс и Пэрис сказали кому-нибудь: «Он был самым лучшим папой». Я тогда просто расплачусь, разрыдаюсь, это будет моей наградой. Это все, чего я хочу — чтобы они сказали: «Он был лучшим папой. Мы пойдем, мы расскажем...» Понимаешь? Это все, чего я хочу в ответ.

ШБ: Когда люди становятся старше — как ты говорил о своем отце, — они хотят быть ближе к детям.

МД: Да.

ШБ: То есть это замкнутый круг. Ты начинаешь жизнь ребенком и в каком-то смысле заканчиваешь ее ребенком. В старости становишься немного чище.

МД: Но почему же они не могут увидеть этого раньше?

ШБ: И после всего, через что ты прошел со своим отцом, как ты теперь пытаешься компенсировать это в отношениях с Принсом и Пэрис?

МД: Я компенсирую с избытком. Если я вижу в фильме, как мать шлепает ребенка, даже хотя я знаю, что это актерская игра, я в слезах выбегаю из комнаты. Я не могу этого вынести. Я видел

ситуации, когда ребенка встряхивают очень сильно... это вызывает в памяти слишком многое из прошлого, из детства — я не могу этого вынести.

ШБ: Ты хочешь, чтобы Принс и Пэрис чувствовали твою безусловную любовь и знали: что бы они ни сделали, есть сильный человек, отец, которые любит их всем сердцем и всей душой?

МД: О, они уже знают. Они еще маленькие дети, но говорят вещи, весьма необычные для детей. Они снова и снова обнимают меня за какую-нибудь мелочь, что я подарил им две недели назад, — это так мило. «Спасибо за зайчика, что ты мне подарил!» Я говорю: «Принс, это было неделю назад. Пожалуйста!» Они так делают, и это очень мило. Это любовь.

ШБ: Я всегда говорю своим детям, что хочу от них лишь двух вещей: чтобы они любили Бога и чтобы любили Его детей. Это все. Успех и все остальное — второстепенно по сравнению с этими двумя основополагающими вещами. И ты сказал, что для тебя не важно, повторят ли Принс и Пэрис твой успех. Чего ты хочешь для них больше всего?

МД: Если они добьются успеха, я буду просто счастлив — успеха в той области, которую выберут. И я надеюсь, что это будет искусство, но они сами должны выбрать себе профессию. Мне просто хочется, чтобы они... мне хочется добиться успеха в том, чтобы быть прекрасным отцом. Я хочу, чтобы они сказали: «Мы чувствовали себя всецело любимыми, и он было просто потрясающим!» Я хочу воплотить свою собственную мечту о том, какими должны быть отцы по отношению к детям.

ШБ: Но пойми, этим ты не способствуешь тому, чтобы твои дети добились профессионального успеха. Если Принс чувствует любовь, заботу и защищенность, ему не нужно будет самоутверждаться перед миром в такой степени, в какой это нужно было тебе. Ты однажды сказал мне, что ты перфекционист, потому что всегда пытался заслужить уважение отца.

МД: Да...

ШБ: Если Принс чувствует, что он любим, то в будущем он будет счастлив работать где-нибудь простым юристом или бухгалтером, и вечером будет бежать домой к детям и любящей жене. Ему будет этого хватать. Ему не нужно будет обожание публики, не нужны будут тысячи визжащих поклонников.

МД: Если это правда, то пусть так — я, прежде всего, хочу, чтобы они выросли хорошими людьми. Но знаешь, я был бы счастлив, если бы они добились успеха в какой-нибудь области искусства.

ШБ: Это твоя большая любовь?

МД: Не то слово.

ШБ: Ты пытаешься уберечь их от преждевременного взросления? Мы говорили о том, что дети стремятся раньше времени стать взрослыми, почти как если бы стыдились быть детьми. В традиционных еврейских семьях, таких, как наша, дети обычно живут дома до брака, но в брак вступают рано. Когда, ты считаешь, детям следует отделяться от родителей?

МД: Мне кажется, дети уходят из дома чересчур рано. Я сделал одну нехорошую вещь. От природы я тенор, но я принудительно завывал свой голос, потому что не хотел

вырастать. Мне хотелось всегда звучать как маленький мальчик. Если послушать мою речь, когда я выиграл Грэмми за *Thriller*, мой голос звучит по-детски. Именно тогда и начались все шутки, подколки и передразнивания меня. Потом в какой-то момент я решил: нет, хватит, я буду разговаривать своим естественным голосом. И, начав говорить естественно, я уже не мог петь в той тональности, в которой пел раньше, так что теперь я пою ниже. Мне просто хотелось оставаться ребенком.

ШБ: Значит, даже хотя ты уже был величайшей звездой в мире и люди круглосуточно дежурили у твоих ворот, ты все еще жил с родителями, потому что считал, что правильнее тебе оставаться дома?

МД: Да, для меня это было естественно. Я чувствовал, что не готов к миру, и был еще очень наивен. Родители хотели, чтобы я жил рядом. Может быть, в чем-то наши отношения не были обычными. Мы не ужинали вместе: каждый перехватывал что-то на ходу и убегал, потому что мы все были занятыми людьми шоу-бизнеса. Я нанял своих поваров, сикхов в тюрбанах, которые готовили мне вегетарианскую еду. Но в остальном, знаешь... Я смотрел много мультиков. Это был уютный большой дом с тремя акрами садов, с кондитерской, где можно было делать свое мороженое, с цветочным магазином и английским садиком, с кинотеатром и большой студией звукозаписи.

ШБ: Но как быть с тем фактом, что дети иногда плохо относятся друг к другу? Некоторых детей не помешало бы научить делиться, иногда они ведут себя скверно. Среди детей часто встречается запугивание. Один мальчик постоянно запугивает

мою дочку в школьном автобусе и очень нехорошо относится к ней. Его родители провели с ним беседу, и он все отрицал: «Я бы никогда не сделал такого!» Я пожаловался директору школы, но он все равно продолжает так себя вести. Моя дочь приходит домой в слезах.

МД: Сколько лет этому парню, который ее запугивает?

ШБ: Двенадцать. А ей одиннадцать, и она — чистейшая душа. Все дети чисты, но она — особенно. Она — сама невинность и не умеет ответить. Может быть, этим задирам не хватало любви, может быть, они были испорчены. Они проявляют взрослые качества. По твоей теории, если бы этому мальчику-задире родители дарили безусловную любовь, у него не было бы потребности в таком поведении, ему не было бы так плохо.

МД: Я думаю, дети делают это ради внимания. Мне кажется, все дурное во взрослых людях берет начало в период взросления. Мы должны быть очень осторожны с детьми, любить их и относиться к ним с нежностью. Никогда не знаешь, какой вред каждый мелкий инцидент нанесет им в будущем. Я читаю по их глазам, узнаю, кому больше всего, и дарю ему самое долгое объятие. Или выбираю самого толстого, самого нелепо выглядящего. Люди спрашивают: «Почему ты выбрал этого ребенка?» Я отвечаю: «Ему это было нужнее всего». Это всегда видно: они выглядят грустными и думают, что не понравятся тебе. Иногда они боятся даже взглянуть на тебя, потому что их так часто дразнят. Это видно... побитая собака ведет себя иначе.

У нас была собака, ее звали Black Girl, она была наполовину волком, наполовину немецкой овчаркой. Мой отец — охотник, он любит охоту и любит оружие. Я, наоборот, ненавижу охоту

и оружие. Однажды он чистил винтовку и собака заскулила: «У-у-у», пятась назад вот так. Он говорит: «Дети, взгляните-ка!», берет ружье и целится в собаку. Собака убежала под кровать, и он удивился: как же она поняла? Мы навели справки и узнали, что с собакой обращались жестоко. Ее предыдущий хозяин был охотником, и в него стреляли, когда он был в дикой местности, так что собака знала, как выглядит ружье, и знала звуки выстрелов. Поэтому каждый раз, когда в округе раздавались выстрелы, — например, на Новый Год — эта овчарка убегала, пряталась и скулила. Я понял, что на собаку повлияла социальная среда. То же происходит и со всеми нами, не так ли? Правда, ведь? Мы дарили той собаке много любви, объятий и поцелуев.

ШБ: Вам удалось обратить ее страх?

МД: Мы, безусловно, старались — я и Дженет, которая тоже обожала собаку. Мы подарили ей много любви, и она стала вести себя намного лучше. Но были и те, кто приходил и сводил на нет все наши усилия.

ШБ: При всей той подлости, с которой тебе пришлось столкнуться, тебе когда-нибудь хотелось ненавидеть людей в ответ?

МД: Нет. В ответ самым низким журналистам, которые беззастенчиво лгут, говоришь не «я ненавижу тебя за то, что ты написал», но вместо этого: «я не понимаю, почему ты так со мной поступил, и оставлю вопрос на этом». Бывает очень больно. Они думают, ты сделан из какой-то прочной материи и всегда можешь оставаться выше этого. И ты пытаешься держать голову выше, но не всегда удается, потому что боль чувствуешь.

ШБ: Но тебе никогда не хотелось ненавидеть в ответ?

МД: Нет.

ШБ: Потому что тогда ты потеряешь детскую чистоту?

МД: Да, мне никогда не хочется ненавидеть в ответ.

ШБ: Но что сделает среднестатистический ребенок, Майкл? Как думаешь, он начнет ненавидеть? Допустим, кто-то плохо обошелся с Принсом, и Принс за это накричал на обидчика. Что бы ты сказал ему? Как бы ты отреагировал, если бы Принс ответил злостью? И допустим, Принс прав: кто-то незаслуженно обидел его. Ты был бы рад, что он научился защищаться, или ты чувствовал бы, что не хочешь от него такого поведения?

МД: Я бы предпочел, чтобы он попытался понять, почему другой человек обижен, и достучаться до его сердца — так поступил бы я сам. Как сказал Ганди: «Око за око — и весь мир ослепнет». Нельзя так реагировать. Этим ты лишь усугубляешь трение. Я очень покровительственно отношусь ко всем детям. Если я вижу, что кто-то причиняет вред ребенку, я не могу с этим смириться. Если я вижу это в фильме и знаю, что это игра, мне приходится выйти на время и выплакаться, или меня охватывает сильная злость. Если я смотрю кино и вижу, как кто-то сильно шлепает ребенка и тот плачет, я правда не могу этого вынести. Я уже знаю эту свою особенность. Сцена задевает за больное: я пропускаю ситуацию через себя, потому что со мной это слишком часто происходило.

Когда мой отец... у него были жуткие способы наказания. Он смотрел на тебя вот так и говорил: «Подойди сюда», и ты знал, что он собирается сделать. Он давал оглушительную пощечину — такую, что отпечатки его пальцев оставались у

тебя на щеке, он толкал тебя на глазах у поклонников, плачущего, в слезах. Есть разница между тем, чтобы применять к ребенку воспитательные меры, и тем, чтобы унижать его, — нельзя пересекать эту черту. Меня это очень сильно задевало — не знаю, понимал ли он это.

ШБ: Значит, если Принс и Пэрис в чем-то провинятся, ты накажешь их, но никогда не станешь унижать их?

МД: Никогда не стану.

ШБ: Ты скажешь: «Принс, ты поступил плохо».

МД: Надо поговорить с ребенком и добиться того, чтобы он понял.

Нельзя стыдить его, ни в коем случае. Это неправильно.

ШБ: Думаешь, у детей тоже есть чувство собственного достоинства — не только у взрослых?

МД: Конечно. Никогда нельзя позорить их перед друзьями. Никогда. Никогда. Они никогда не простят тебе этого.

ШБ: Значит, основываясь на твоих словах, ты боишься быть взрослым в том плане, что взрослые могут причинять боль, проявлять гнев? Это то, чего тебе никогда не хотелось делать? Это одна из причин, почему ты хочешь оставаться подобным ребенку, — потому что тебя тревожит перспектива развить взрослую враждебность?

МД: Я никогда не хочу становиться таким. Я не горжусь тем, что я взрослый, мне не нравится заявлять об этом. Я никогда даже не упоминаю об этом.

ШБ: Давай я спрошу тебя вот о чем. Принс и Пэрис, как и все другие дети, порой ведут себя плохо. Разберем ситуацию, когда дети жестоки и задирают друг друга. Во-первых, откуда это происходит? И, во-вторых, что мы можем с этим сделать?

МД: Я думаю, это от недостатка любви, внимания и уважения.

ШБ: Какие меры должны принимать родители? Они должны сделать ребенку выговор или, наоборот, подарить больше ласки?

МД: Подарить больше ласки, обнять, прикоснуться. Посмотреть в глаза и поговорить. Люди не разговаривают со своими детьми, они их игнорируют. Поэтому дети и делают такие вещи — ища внимания — и причиняют боль другим, не осознавая этого.

ШБ: Ты считаешь, что если детям дарят нужные им любовь и внимание, они никогда не станут себя так вести? То есть Зигмунд Фрейд, сказавший, что дети — самовлюбленные и эгоистичные...

МД: Был неправ. Он был неправ.

ШБ: Но ведь дети могут очень собственнически относиться к своим игрушкам. Одно из первых слов, которые они учатся произносить, — слово «мое». Даже дети, получающие огромную любовь, говорят «мое».

МД: Это правда. Даже те, кого сильно любят, говорят «мое».

ШБ: Похоже на то. Ты всегда демонстрируешь свою любовь Принсу и Пэрис. Они говорят «мое»?

МД: Друг другу — да, но не другим детям.

ШБ: Это потому что ты сознательно учишь их, что не «мое».

МД: Важно уметь делиться.

ШБ: А что скажешь о своей самооценке и чувстве собственного достоинства? Один из ключевых обсуждаемых нами постулатов состоит в том, что дети начинают недооценивать себя, если им не дарить безусловную любовь. Они чувствуют себя ненужными, у них формируется низкая самооценка, они

плохо о себе думают. Но тебя самого так не любили. Как ты борешься с заниженной самооценкой?

МД: Я пытаюсь задуматься, в чем я сам компенсировал за свои лишения. Иногда мне толком не удается понять. Мне кажется, одна из причин моего дара заключается в том, что я через многое прошел, смог все это выдержать и стать лучше. Я чувствую, что за него страдал и был лишен многих ценностей в детстве — чтобы это сделало меня таким восприимчивым к детям теперь. Это невероятно — как я чувствую себя с ними, на самом деле... Именно поэтому я думаю, что это судьба, — вот все, что я могу сказать.

ШБ: Значит дети — твоя компенсация?

МД: Думаю, да. Они — мои учителя. Я смотрю на них и учусь. Для нас важно пытаться быть такими, как они, подражать им. Они золотые.

ШБ: Ты в детстве никогда не чувствовал себя окруженным заботой и любовью, не чувствовал безусловной любви. У тебя этого не было. Но зато были поклонники, которые любили тебя, хотя, возможно, лишь за твое выступление, а не за сущность.

МД: Поклонники знают меня, знают мое сердце. Они приносят гигантские фотографии детей и аппликации, изображающие держащихся за руки детей, приводят детишек с собой — они знают, как я люблю их. Они вручали мне всякие награды, выражающие признательность мне как человеку вне статуса звезды. Им безразличны проблемы детей и все эти вещи. Ох... Однажды до людей дойдет. Однажды они поймут. Мне кажется, именно такими нас хочет видеть Господь.

ШБ: Тебе легко сохранять чистоту, потому что даже когда люди атакуют тебя, ты можешь уединиться на своем великолепном

ранчо. Так что тебе не приходится выцарапывать утраченное. Ты очень успешен, поэтому можешь позволить себе прощать людей и оставаться невинным. «Но разве у меня есть такая возможность?» — возразит кто-нибудь. — «Я живу в фургоне на колесах. Как я могу прощать людей? Моя жизнь горька, Бог разочаровал меня. У меня не хватает времени на детей. Я — мать-одиночка, я вкальваю на двух работах, чтобы прокормить детей». Что ты ответишь человеку, который скажет: «Да ты что, Майкл! Это нереально. Ты хочешь, что я была как Питер Пэн? Хочешь забрать меня в эту выдуманную страну Неверлэнд? Спустись на землю! Куда мне в выдуманную страну? Мне детей кормить надо! Меня муж бьет». Что бы ты ответил на это?

МД: Я подумал бы, что этому человеку следует попытаться познать истину о силе любви. И делать это, как мне кажется (и пусть это не звучит самонадеянно), нужно так же, как я открыл для себя, что есть истинное блаженство. Думаю, если дать себе шанс, то сможешь его почувствовать.

ШБ: Там, где ты обитаешь, есть свобода? Есть свобода в том, чтобы держаться за по-детски непосредственное существование? Ты чувствуешь, будто все взрослые — где-то в тюрьме, а ты — единственный, кто свободен?

МД: Ага. Да. Не представляю, как это может кому-то не понравиться. Это лучшее чувство на свете!

ШБ: Если бы можно было шагнуть внутрь картины Нормана Роквелла — в таком мире тебе хотелось бы жить? Такой мир тебе хотелось бы помочь создать?

МД: О да...

ШБ: Ты — отец-одиночка, самостоятельно воспитываешь детей. Люди сходятся во мнении, что в идеале ребенку нужны оба родителя. Твои дети как-то пострадают от того, что у них только один родитель? Или ты веришь, что сможешь компенсировать это любовью за двоих?

МД: Да, или когда одному из родителей дети безразличны. Если ты действительно безусловно любишь их всем сердцем, то заслуживаешь растить их самостоятельно. Это все, что им нужно: любовь.

ШБ: Значит, ты веришь, что дело не в количестве. Один человек может дать им все нужное, если любовь безусловная.

МД: Конечно.

Открытость и уязвимость

Мне нравится, как честны всегда дети

ШБ: Как я понял из того, что ты мне описываешь, творчество подразумевает свободу. В отличие от взрослых, которые находятся под давлением обстоятельств, дети по-настоящему свободны. Они говорят, что хотят, делают, что хотят, ничего не боясь. А взрослые — почти как пленники. Они будто находятся в тюрьме социальных ограничений и возложенных на них ожиданий.

МД: Да, они пытаются соответствовать ожиданиям общества, а дети просто счастливы, спонтанны и любят забавы. У них есть этот восторг, этот свет в глазах. Бывали ситуации, когда провожу встречу с какими-нибудь адвокатами, и в комнату заходит ребенок, а они продолжают говорить, не замечая его. Я заставляю всех замолчать и поздороваться, проявить уважение, чтобы ребенок почувствовал себя значимым. Юристы не понимают, зачем это. А для меня — Бог только что зашел в комнату: мы должны проявить уважение.

Мне нравится, как честны всегда дети. Если они ревнуют, они тебе об этом скажут. Если они на тебя злятся, они тебе скажут: «Ты любишь его больше, чем меня!» Взрослые этого не говорят. Они затаят месть и найдут способ ранить тебя из-за своей ревности.

ШБ: Им приходится прятать и маскировать свою ревность.

МД: Да, да. Это я люблю в детях: в них есть естественная праведность. Они любят быть вместе. Два ребенка, никогда не

встречавших друг друга, через пару секунд подружатся и начнут общаться. От взрослых этого не добьешься. Если положить в кровать двух малышей и разделить их во сне, то через час бессознательно — будучи в альфа-состоянии или я не знаю, как, — они найдут способ прижаться друг к другу. Щенки так делают, котята так делают, и дети так делают. Они тянутся друг к другу и оказываются рядом, и это так мило. Они находят друг друга во сне. Но мы — мы заняты построением барьеров и баррикад. «Ты сиди тут, а ты сиди там». Ну разве не печально?

ШБ: У детей нет этих предубеждений, этих барьеров. Поэтому, ты говоришь, когда ты встречаешь ребенка, вы моментально сходитесь. Вам не нужно работать над дружбой и поиском общих интересов. Взрослые же поначалу чувствуют себя друг с другом неловко: им нужно учиться верить друг другу, потому как нормальное состояние — это недоверие.

МД: Дети просто раскрываются передо мной.

ШБ: Но что если бы кто-то сказал, что это все ненастоящее, что мир — отвратительное место, но тебе надо оставить Неверлэнд, так как это иллюзия, воображаемая жизнь? Что если бы кто-то сказал: «Майкл, я согласен со всем, что ты говоришь о детях, но это просто не реально. Пора уже привыкнуть к тому, что мир ужасен и люди жестоки. Если ты остаешься ребенком, это означает, что ты намного более уязвим и незащищен: ты делаешь себя мишенью для боли, атак и нападок». Ты не пожалеешь о детских качествах, которые сохранил? Вырастая, человек становится воином: он защищается, он вооружен. Но ты решил не идти по этому пути. Ты решил общаться с детьми

и сберечь своего собственного внутреннего ребенка. Ты не пожалеешь об этом?

МД: Не пожалею ли я, что я такой, какой есть? Нет, никогда.

ШБ: Пусть даже, как ты говоришь, тебя не понимают? Пусть даже люди считают тебя странным?

МД: В этом такая красота и блаженство! Я вижу это в своих творениях, в том, что сам делаю. Все мои музыкальные идеи и великие замыслы — все происходит оттуда.

ШБ: Ты говоришь: «Мне нужны дети. Перед концертом — мне нужны дети». Ты не боишься использовать слово «нужны». Но для большинства взрослых это слово выражает какой-то недостаток, зависимость. Что ты имеешь в виду, говоря «нужны»?

МД: Мне кажется, взрослые маскируют свои нужды. Ведь им нужна любовь, и ночью они ложатся в постель к супругу. Но они приучают себя возводить баррикады и использовать психологические приемы, говоря: «Ты мне не нужен». На самом деле они прячутся, играют в игры. Это все то, о чем мы раньше говорили. Они возводят внутренние препятствия, притворяясь, что не нуждаются... это приемы психологической войны.

ШБ: Мы высоко ценим свою независимость. Но дети не боятся держаться за мамино платье, прижиматься к ней, не боятся демонстрировать, что мама им нужна. Мы можем научиться у детей не стесняться своей нужды?

МД: Конечно.

ШБ: Известно, что любовь и страх — противоположности. Основной принцип любви — в том, чтобы раскрыться, обнажить свои слабые места. Обнимая кого-то, ты в

буквальном смысле создаешь внутри себя пространство, в которое впускаешь другого человека. Ты ставишь себя в уязвимую позицию. Основной принцип страха — совершенно обратный: подтянуть к конечности себе, приготовиться защищать свое тело руками и ногами. В любви ты распускаешься, а в страхе — сжимаешься, возвращаешься в эмбриональное состояние.

Как ты собираешься учить Принса и Пэрис радушию, когда тебе нужно также научить их быть осторожными?

МД: Тут тонкая граница. Но я не хочу учить их судить людей, думать: «Ой, он выглядит опасно!» Это нелегко. Я хочу, чтобы они разбирались в людях и умели искать выход из сложных ситуаций. Но мне кажется, это *моя* работа — судить за них. Моя.

ШБ: Одна из обязанностей родителя — это, дабы не испортить характер ребенка, защищать его, чтобы ему не пришлось защищаться самому. Это можно обеспечить, но только на какое-то время. Позже они вынуждены будут научиться защищаться самостоятельно. Большинство родителей учат ребенка: «Если видишь подобного человека, держись от него подальше». Ты решил позволить своим детям любить всех, и это твоя задача — защищать их.

МД: Именно. Я так считаю.

ШБ: Это очень важный урок для всех родителей, Майкл. Я тоже не хочу учить своих детей страху.

МД: Это повредило многим детям: их ставили в ситуацию, когда у них формировались суждения и предрассудки на основании того, как человек одет или какая у него прическа. Это безосновательно. Родители не должны так поступать с детьми,

они должны позволять им посмотреть, что произойдет дальше... Я видел, как даже самые черствые, худшие люди смягчаются, когда появляются дети, потому что в комнату вошел свет.

ШБ: Значит, дети учат нас радушию не только духовно, но и практически?

МД: Безусловно.

ШБ: Ты чувствуешь большую свободу в обществе детей? Например, ты сказал, что из-за своей известности не имеешь личной жизни: люди фотографируют тебя, ты не можешь спокойно пройти по улице, тебе приходится изменять облик. С детьми ты чувствуешь себя свободнее, естественнее, вольнее?

МД: Я не просто чувствую себя свободно, я чувствую себя так, будто стою перед ликом Господа. Я чувствую себя польщенным, чувствую, что мне повезло. Бог благословил меня их присутствием, а другие люди этого не понимают и относятся к ним как к ненужной вещи. Я только вхожу в комнату к детям, и моментально ощущаю это блаженство. Его чувствуешь, оно осязаемо, и оно исходит от них, потому что это сила сознания — вот что это такое, одухотворенность.

ШБ: Это ощущение для тебя целительно?

МД: Оно спасло мне жизнь.

ШБ: Когда ты в обществе детей, это снимает боль?

МД: Это спасает мне жизнь.

ШБ: Значит, если Господь — это свет, тогда, пользуясь этой метафорой, можно сказать, что взрослые строят преграды, заслоняющие свет, и живут в темноте. Дети же прозрачны, в них нет сознательных преград для света. Свет Господа светит сквозь них беспрепятственно.

МД: Они и есть свет. На днях я говорил Фрэнку, что, по моему мнению, Гевин олицетворяет собой белый свет, который мы видим перед смертью, надежду, которая снисходит на нас. [Гевин — больной раком мальчик, который гостил с семьей у Майкла в Неверленде. Он — тот самый ребенок, который позже, в 2003 году, станет обвинителем Майкла. Майкла оправдают по всем пунктам обвинения.] Он — как ангел, говорящий о том, что не надо бояться. Как же он может не быть добр и ласков в душе? Где-то там заключается послание нам, в детях оно есть.

ШБ: Но ты умеешь оставаться собой, и в этом смысле ты свободнее чувствуешь себя с детьми, потому что, как ты сказал, они не возводят преград.

МД: Я чувствую наибольшую свободу, когда я с ними.

ШБ: Хорошо. Еще одно, чему мы учимся у детей, это прозрачность. В отличие от взрослых, дети прозрачны. Они не уклончивы в изъяснении своих желаний. Они словно сделаны из стекла: их видно насквозь.

МД: Я вижу их насквозь. Я могу общаться с ними молча. Заглянув им в глаза, я знаю, что именно они говорят. Как только они посмотрят на меня, как только мы установим зрительный контакт — дело сделано. С детьми очень сильна телепатия, все можно почувствовать. И они с колыбели умеют читать людей. Они видят, когда ты недоволен. Они читают выражение твоих глаз. Нам не нужно говорить так много, многое можно сказать одним выражением лица. Дети пребывают в таком состоянии, когда могут чувствовать эмоции гораздо сильнее, чем взрослые. Они настоящие телепаты. Они живут в гораздо большей гармонии со всем миром.

ШБ: Каков мир, когда смотришь на него глазами ребенка?

МД: Он завернут в подарочную бумагу. Он волшебный. Он чудесный. Он удивительный, и тебе хочется знать обо всем. Он фантастический, великолепный, он вызывает трепет.

ШБ: Когда ты видишь мир в подарочной бумаге, ты замечаешь какие-нибудь из его уродств? Замечаешь те вещи, что причиняют боль? Ведь ты встречаешь множество подлых людей. Как ты к ним относишься?

МД: Я этого не понимаю. Просто не понимаю.

ШБ: И ты думаешь, что раз не понимаешь этого, значит, тебе не нужно меняться и приспосабливаться к этому? Ты не говоришь себе: «Я должен занять оборонительную позицию», вместо этого ты говоришь: «Я просто скажу, что не понимаю... такого не должно быть». Для тебя это остается загадкой, а загадка, абсурд не может вторгнуться в твою собственную личность, проникнуть в твою психику. Не может повлиять на тебя.

МД: Да.

ШБ: Так если ты встречаешь подлого человека, как ты реагируешь, глядя на мир глазами ребенка?

МД: Это больно. Когда я был маленьким, Билл Косби, иногда видел меня в коридоре студии NBC и говорил [громким строгим голосом]: «Эй, а вы, дети, что здесь делаете? Уберите-ка детей отсюда!» Все смеялись, но я думал, что он совершенно серьезен, и пугался до смерти, и плакал. Я после этого долгие годы его не любил. Или, помню, однажды в клубе какой-то человек спросил: «Эй, мальчик! Ты что здесь делаешь?» и продолжал в таком духе до тех пор, пока я не заплакал. Я не понимал таких вещей и поэтому очень боялся

взрослых и людей крупного телосложения. Я до сих пор чувствую себя неуютно в их присутствии. Они не осознают, что причиняют боль, когда так обращаются с людьми. Это не смешно.

Поэтому с детьми я веду себя прямо противоположным образом. Я предельно мягок и нежен с ними, потому что очень не хочу повторить какие-нибудь из тех ошибок. Мой отец тоже обращался с детьми подобным образом. Больше он так не делает, но я помню, когда я был маленьким... [резко повышает голос] «Как тебя зовут? Где ты живешь?», и они лепечут [срывающимся голосом]: «Я живу дальше по улице». Я недоумевал: «Зачем он доводит их до слез? Я уверен, для них это очень пугающе». Мне никогда не забыть то чувство, *никогда*.

ШБ: Но если ты становишься свидетелем этого, твоя реакция: «Я не понимаю, зачем ты это делаешь»?

МД: Да, зачем ты это делаешь? Почему тебе хочется так травмировать кого-то? Я чувствую, когда ребенок напуган, это видно по его глазам, слышно по голосу. Ты разве сделаешь подобное?

ШБ: Надеюсь, что нет. Что позволяет тебе слышать ребенка, когда даже собственные родители его не слышат?

МД: Я чувствую детей, я их чувствую. Если им почему-то плохо, я хочу быть рядом — там, где боль.

ШБ: Ты многое из этого держишь в себе. У тебя, практически бесстрастное лицо. Когда мы едем ужинать или ты приходишь к нам домой, люди смотрят на тебя и гадают: «О чем же Майкл думает?» Ты все это держишь внутри.

МД: Да... Но нет, я это чувствую, очень остро чувствую. Я могу чувствовать боль людей.

ШБ: Тебе когда-нибудь было стыдно за что-нибудь? Дети, конечно, чувствуют стыд.

МД: Да, я думаю, что нельзя стыдить детей [дразня их], если только они тоже не разделяют шутку. Я помню, как меня ставили в жутко постыдные ситуации. Мой отец особенно. Он со всей силы давал мне пощечины и толкал меня на глазах у поклонников, так, что у меня слезы катились по лицу. Наказывать ребенка — это одно, но срамить его нельзя.

Уверенность

*[Дети] чувствуют себя спокойнее,
потому что... их умы, сердца, и чувства чисты*

ШБ: Дети, во всяком случае, изначально, совершенно свободны от давления со стороны сверстников. Конечно, позже это становится одним из самых тяжелых испытаний для них. Но пока они совсем маленькие, им все равно, что думают о них люди. Почему им все равно? Нам всем очень важно, какого мнения о нас окружающие. Но детям это совсем не так интересно. Они не задумываются о своем образе, пока не становятся старше.

МД: Позже их этому учат.

ШБ: Почему нам есть дело до того, что думают о нас люди? Не потому ли, что с годами нас одолевает все больше сомнений и нам нужно людское одобрение? Почему дети чувствуют себя увереннее взрослых?

МД: В сущности, они чувствуют себя спокойнее, потому что происходят из этого божественного места, будто из другой солнечной системы, где их умы, сердца, и чувства чисты.

ШБ: Значит, они чувствуют уверенность, потому что имеют связь с источником. Чем дальше мы от него отдаляемся, тем тусклее свет, что мы чувствуем внутри. Со временем нам становится нужно, чтобы другие люди светили на нас своим светом.

МД: Это верно. Я должен ограждать свою личность иногда, потому что вижу, что могу навлечь свои страхи на Принса и Пэрис. Я боюсь собак, и мне не хочется, чтобы это отражалось на них,

поэтому я купил им золотистого ретривера. Люди восклицали: «Не могу поверить, что ты на это решился!» Я отвечал: «Знаю, но им это нужно». Родственники, друзья, мать — все были в шоке, так как мое отношение к собакам — уже притча во языцах. Я их не люблю, потому что имел негативный опыт. Но это одна из форм расизма и предрассудков, и было бы неправильно с моей стороны вызвать такое же отчуждение к собакам у детей. Я хочу, чтобы они сами для себя решили. Я говорю Принсу: «Мы не доверяем чужим собакам, но мы верим этой собаке».

Я знавал случаи, когда собака съела печень девочки и легкое, или откусила мальчику пол лица, так что он остался вот таким... Принс и Пэрис думают, что могут подойти к любой собаке и сказать ее «Гррр». Я их останавливаю: «Нет-нет-нет, вернитесь! Не надо говорить ей “Гррр”».

ШБ: Ты решил, что не хочешь навлекать свои страхи на детей.

МД: Ситуация с ребенком и собакой — лишь пример, это не какой-то непереносимый тест. Это проявляется и во многих других областях. Мы делаем это, сами того не замечая. Родителям нужно обратиться внутрь себя и осознать, [повышает голос] *насколько* они делают своих детей похожими на себя самих! А они не должны этого делать! Они должны позволить детям быть собой, позволить им найти собственное место в жизни. Мы можем научить их тому, что такое хорошо и что такое плохо, но если у тебя самого было трудное детство или покалеченная жизнь, это не значит, что и у них должна быть такая же.

ШБ: Ты часто думаешь об этом — вспоминаешь свое детство и говоришь себе, что этого не произойдет с Принсом и Пэрис? Ты используешь свое детство как лакмусовую бумажку?

МД: Конечно. «Лакмусовая бумажка» — хорошее сравнение. Я знаю, что они никогда не пройдут через огонь, как пришлось пройти мне. Я знаю, что они никогда не узнают, что такое по-настоящему тяжелая работа. Когда-то они станут работать, и у них будут обязанности — я скоро начну обучать Принса, а потом и Пэрис, — но они никогда не испытают того, что испытал я. Я не хочу обрекать их на работу или заставлять страдать за нее. Я должен быть осторожен.

ШБ: Но главное, ты хочешь, чтобы они знали, что у них есть отец, который их любит?

МД: Если я смогу быть — а это моя самая важная цель — прекрасным родителем. Этого мне хочется больше всего. Я хочу быть замечательным, замечательным отцом. Их будут спрашивать люди, пишущие книги и тому подобное, — я хочу, чтобы они могли сказать: «Он был просто чудесным отцом! Он всегда поддерживал нас, даже когда не должен был, и по-настоящему любил нас». Я только хочу, чтобы они чувствовали это сердцем. И если они смогут пойти в мир и поделиться своими талантами с человечеством, я буду плакать счастливыми слезами. Это было бы замечательно. Мы все хотим этого для своих детей.

ШБ: Но главное, ты хочешь, чтобы они знали, что отец любил их и всегда был для них хорошим родителем?

МД: Больше всего на свете.

Всемирный день детей и семейные ужины

*Это было бы счастьем всей моей жизни –
иметь Всемирный день детей*

ШБ: В числе прочего ты сказал мне, что хочешь учредить Всемирный день детей – международный выходной, когда все родители бросали бы работу, чтобы побыть со своими детьми.

МД: У детей нет голоса в обществе, у них нет предводителя – кого-то, кто говорил бы от их имени, отстаивал их права, защищал их. Это очень грустно, разве нет? Меня это убивает. Я не смог собрать артистов, когда произошел этот конфликт в Косово, потому что люди не переживали так, как переживал я. Они спрашивали: «Что?» Я говорил: «Ну разве же вы не видите, что происходит с этими детьми?!» Но их это не заботило настолько, чтобы захотеть как-то помочь. Я сидел у себя в комнате и плакал! Я прервал запись альбома на несколько дней – настолько меня это расстроило.

Мы хотим сделать этот день всемирным праздником... во всех странах, чтобы люди брали выходной. Он не может быть летом и не может быть в уикенд. Это должен быть день, когда люди скажут себе: «Да, завтра нельзя идти на работу, завтра нет школы, потому что я должен побыть со своими детьми и подарить им целый непрерывный день». Должно быть именно так, иначе он не будет восприниматься всерьез. Это было бы счастьем всей моей жизни – иметь Всемирный день детей.

Я с нетерпением жду [речь в Оксфорде], потому что смогу говорить от чистого сердца и объяснить, как на самом деле отношусь к этим вопросам. Моя мечта — это чтобы дети сказали: «Не важно, черный ты или белый». Я всегда хотел услышать это от детей. Или «исцелим мир». Мы не говорили о том, чтобы [закрепить за этим днем песню], но я мог бы ее написать. Мы могли бы пригласить всех знаменитостей спеть ее и собрать много денег, как с «We Are the World». Привяжите к этому дню песню — чтобы в каждой стране люди пели одну и ту же песню, но на разных языках.

Я так хочу этот праздник, это моя мечта! Мы должны упомянуть о нем в ООН. [Майкл в то время очень стремился стать Послом доброй воли ООН для детей. У нас прошло несколько встреч с официальными представителями ООН, но эту идею не удалось претворить в жизнь.] По мне, это преступление — не признавать детей. Они — наш главный актив... Если бы День детей существовал, когда я был маленьким, я подходил бы к отцу и говорил: «Так, папа... Джозеф, чем мы будем сегодня заниматься?» Ты знаешь, что бы это значило для меня? Он бы отвечал: «Ну, хочешь, пойдем в кино?» Это бы так много для меня значило... Нужен лишь один такой момент внимания, мне кажется... тебе так не кажется?

ШБ: Да, именно.

МД: Я так сильно этого хочу, Шмули! Это моя мечта.

ШБ: А знаешь, что? Нужно сказать об этом президенту Клинтону, когда мы встретимся с ним завтра. Представь, если мы убедим президента Клинтона, то это станет его последним великим деянием, совершенным за срок правления. [Клинтону в то

время оставалось шесть недель в офисе.] Просто попытаться учредить в дополнение ко Дню матери и Дню отца День ребенка, когда родители проводят целый день со своими детьми. Клинтон никогда не знал собственного отца. Это может быть очень символично для него.

МД: Это было бы превосходно! Боже, я — с радостью.

ШБ: Теперь, когда ты объяснил мне, я понимаю. К родителям будут подходить их дети со словами: «Папа, это мой день. Что мы будем делать?»

МД: Да! А став взрослыми, они замкнут круг и позаботятся о своих отце и матери, потому что те хорошо относились к ним, когда они были малы. Ну что же может быть прекраснее этого? По-моему, это замечательно. Нужно вернуть людям семью. Поэтому я и хочу иметь День ребенка — для этого. Мы, люди, должны отдавать себе отчет в том, что у нас есть дети, и дарить им любовь. Это так важно для будущего этих детей, и их родителей, и детей этих детей... Если бы у меня был такой день с моим отцом, наши отношения сейчас были бы совершенно иными. У меня были бы чудесные воспоминания о том, как он водил меня в парк или в магазин игрушек, или в кино каждый раз, когда наступал День детей. А так у меня осталось лишь одно воспоминание о том, как он усадил меня на ту лошадь, на пони.

ШБ: И ты часто проигрываешь его в памяти?

МД: Это все, что у меня есть. Я не могу припомнить ни одного другого случая. Ни игр, ни развлечений — ничего.

Майкл очень горячо убеждал меня попытаться учредить Всемирный день детей. Мы вместе ходили в ООН, встречались с группой дипломатов в попытке добиться этого, но у нас не получилось.

Однако я использовал нашу совместную мечту о регулярном семейном времяпрепровождении, чтобы положить начало международным семейным ужинам под названием «Превратим пятничный вечер в семейный вечер». Чем давать детям лишь один день в году, мне показалось более правильным и заслуженным дарить им как минимум один день в неделю. Майкл сам был регулярным гостем на наших пятничных ужинах в честь Шабата, он посещал их вместе с Принсом и Пэрис. Он любил царившую на них атмосферу покоя, гармонии и родства.

Вы можете помочь сделать эту мечту реальностью. Посетите сайт www.fridayisfamily.com и зарегистрируйтесь там. Вы увидите телерекламы с весьма уважаемыми общественными деятелями, рассказывающими об этой инициативе. Она включает простое обязательство дарить себе и своим детям «тройную пару»: два непрерывных часа с детьми каждый пятничный вечер с двумя приглашенными гостями, чтобы научить детей щедрости и радушию, и обсуждением двух важных тем, чтобы углубить их интерес и расширить кругозор.

Превратите каждый пятничный вечер в семейный вечер, и это принесет вашей семье любовь, близость и благословение по-детски чистого духа.

Благодарности от автора

Майкл Джексон ушел слишком молодым. Для многих он будет продолжать жить через свой танец и музыку. Для меня он будет жить через теплую дружбу, что мы разделяли, и через запоминающиеся слова, содержащиеся в этом и предыдущем томе наших бесед. Я благодарен ему за откровенность, за мужество, за честность и готовность разделить свой внутренний мир с публикой, которая, как он знал, относилась к нему с недоверием. Несмотря на это, Майкл отважился на решительный шаг и записал эти разговоры для публикации, веря, что сможет пробиться через людской цинизм и открыть их сердца для духа детства. Он верил, что таким образом сумеет сделать мир мягче, добрее и ласковее.

Эта книга — о чудесах детства. Мои собственные дети — Мушки, Гана, Штерни, Менди, Шаина, Рахиль Лия, Йосеф, Довид Хаим и Хефциба — более всех ответственны за все то детское благоговение, что осталось во мне. Они — свет и радость моей жизни.

То же относится к Принсу и Пэрис Джексонам, которые в раннем детстве были друзьями моих детей, и к Бланкету, с которым я никогда не был знаком. Я никогда не забуду, как сильно ваш отец любил вас. Я часто думаю о вас и прошу, чтобы Господь защищал и хранил вас. Говоря словами Иосифа Вениамину, записанными в Библии: «Да будет милость Божия с тобою, дитя мое!»

Франческо Касио, бывший менеджер и близкий друг Майкла, следил за тем, чтобы мы с Майклом регулярно садились записывать эти беседы для публикации книг. Я благодарен Фрэнку за более чем десять лет непрерывной дружбы.

Дженет Гольдштейн профессионально отредактировала и систематизировала мои беседы с Майклом и помогла преподнести их в доступной, вдохновляющей и упорядоченной манере. Ей — моя благодарность и глубокая признательность.

Роджер Купер, представитель издательства Vanguard, — человек мужественный, решительный, гуманный и дальновидный. Без него ни одна из двух книг, основанных на наших беседах с Майклом Джексоном, не увидела бы свет.

Моя жена, Дебби, — главное благословение моей жизни и мое «второе я» во всем. Я не делаю ничего важного, предварительно не спросив ее совета и руководства, и чувствую себя потерянным, когда ее нет рядом.

Мои родители, Йоав Ботач и Элеанор Пауль, передали мне не только безусловную любовь, но и мои глубочайшие ценности и веру в то, что я всегда могу сделать в этом мире что-то полезное.

Братья и сестры Сара, Бар Кохва, Хаим Моше и Атерет — мои самые близкие друзья и поверенные.

Шнеур-Залман Феллиг с ранних лет побуждал меня упрочить связь с иудаизмом и Богом. Это его раннее влияние направило меня на путь становления раввином, и благодаря ему я посвятил свою жизнь преподаванию ценностей.

Равви Менахем Шнеерсон, Любавический ребе, светлая ему память, даже через шестнадцать лет после смерти остается человеком, в наибольшей степени сформировавшим мою духовность, гуманность и чувство долга перед общиной. То хорошее, что есть во мне, в немалой степени раскрылось в наблюдениях за его неутомимой помощью бесчисленным тысячам нуждающихся. Я скучаю по своему ребе каждый день.

Господь Всемогущий всегда озарял меня Своим светом и милостью, несмотря на то, как недостойн я был. Спасибо, Господи, за красоту моих детей и преданность моей жены, за утешение человеческой дружбы и за то, что всегда идешь рядом, освещая мой путь.

Наконец, всем детям мира: спасибо вам за то, что делаете нас, нудных, раздражительных взрослых, немного более юными, немного более открытыми и много более счастливыми. Благослови вас всех Господь!

Перевод: morinen
2011